

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ГБУК РО «РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ

Сектор методико-тифлобиблиографии

ТЕРРИТОРИЯ ЧТЕНИЯ

Выпуск 2.

ЮБИЛЕИ И ЮБИЛЯРЫ

Ростов-на-Дону

2013

78.3.

Т35

Территория чтения. Вып.2: Юбилеи и юбиляры: Метод. пособие / Ростов. обл. спец. б-ка для слепых; сост. И.А. Гетажаева.- Ростов н/Д, 2013.- 87 с.

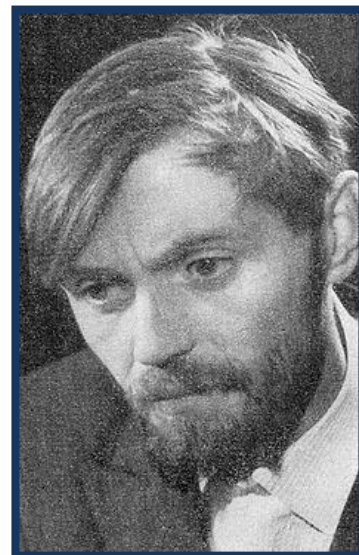
Пособие содержит материалы в помощь проведению мероприятий, приуроченных к юбилейным датам выдающихся представителей литературного мира.

ЮБИЛЕИ И ЮБИЛЯРЫ 2013

01 ИЮЛЯ

75 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ БОРИСА ТЕРЕНТЬЕВИЧА ПРИМЕРОВА, СОВЕТСКОГО И РОССИЙСКОГО ПОЭТА (1938-1995)

«Я Русь люблю!»

Я Русь люблю! А кто не любит?!

Но я по-своему, и так,

Что слышат всю Россию люди

На песенных моих устах.

Он родился 1 июля 1938 года в Ростовской области. Это станица Матвеево-Курганская. Примеровым довелось хлебнуть немало. Их и рассказывали, и раскулачивали. Мать – из знатного украинского казачьего рода. Как следствие – почти вся семья погибла «в слепой круговерти гражданской войны».

Отец – казак с Дона. Кадет, принявший революцию и ставший офицером Красной армии. Но «его, как сына раскулаченных родителей, к тому же женатого на представительнице «бывших», исключат из партии и уволят из армии».

Но Великую Отечественную Терентий Фёдорович Примеров прошёл всю.

После войны семья перебралась в станицу Мечётинскую – колхозничать. Надо было кормить троих сыновей и дочку.

«Мы переехали в станицу Мечётинскую – по-донскому, в Мечётку – где отец работал в колхозе. До самой смерти был страстным охотником и рыболовом. Вероятно, от него у меня изначально острое, почти физическое ощущение Дона».

Конечно, как у большинства сверстников, детство Бори лёгким не назовёшь. Но было оно радостное духом – ведь все они росли в атмосфере Великой Победы 45-го! А сам он совсем не хотел жить в унынии, и потому ему открывалась радость природы, радость

сказок, небылиц, фантазий и преданий, среди «ещё жившего в быту украинского и южнорусского фольклора».

А мама, Анна Борисовна, – несмотря на всё – прекрасно пела. «До сих пор чувствую, как во время пения, правдивого и полыхающего свежестью голосовых красок, у меня перехватывало дыхание».

И конечно, уже тогда, в детстве, в его жизнь вошли книги и воспитали в нём «филолога по душе и призванию».

Позднее, все, кто знал поэта, рассказывали, что первое, с чем ты здороваешься в его доме – это книги. Тысячи книг.

По истории, философии, культуре; поэзия, романы, словари. Старые книги в кожаных переплётах и новые – в мягких обложках. Труды по истории. У него были почти все авторы и философы, изданные в серии «Литературные памятники».

Этот замечательный поэт был ещё и энциклопедически образованным человеком, любителем и знатоком отечественной истории и философии.

Очень легко и весело рассказывал он о Константине Леонтьеве, Павле Трубецком, Михаиле Меньшикове, Николае Фёдорове.

А, продолжая говорить о великих русских мыслителях, переключается и на великих державников: гений Петра I, величие Александра III, государственные идеи Алексея Аракчеева, Константина Победоносцева, мудрость Иосифа Сталина.

Он верил, что России, русскому народу нужна монархия.

Нужен человек, который бы знал и, главное, искренне любил свою Родину, её традиции и верил в её предназначение.

И обязательно верил бы в свой народ!

Но антисоветчиком – в том смысле, в каком это слово употребляют эмигранты – Борис Терентьевич никогда не был. Говорил о разнице между Лениным и Сталиным, между Советами Ленина и поздними Советами брежневского времени.

И уж точно, никогда бы не оставил Родину.

Он очень её любил.

Получив очередной гонорар, Примеров тут же наносил визит букинистам столицы.

«Жизнь свою я прожил среди книг. Среди замечательных старых энциклопедий, полузабытых и забытых исследований отечественной литературы, среди трудов по русской истории Карамзина, Татищева, Костомарова, Ключевского, Забелина. Я находил себя в кругу философов и авторов, изданных в «Литературных памятниках»...

Школу Боря окончил в Мечётинской.

«Мечётка – самый уютный уголок на всём белом свете», - позже с любовью скажет он о задонской станице.

«Я жил в краю крылатого ястребиного неба, галопом несущегося вдаль вольного простора, называемого степью. Сторона моя сладко пахла голубой полынью, улыбалась во всё лицо веснушчатými подсолнушками, мерцала темноглазыми звёздами паслёнов».

*Я всё сумею здесь под солнцем,
смеяться, плакать и мечтать!*

И действительно он смог – подарил миру свои незабываемые стихи. В 1964 году в Ростове выходит его первая книга «Синевой разбуженное слово». А своим лучшим сборником Борис Примеров считал «Некошенный дождь».

Главная тема определилась сразу и навсегда – образы родной донской природы:

*Пройдусь по ветрам и тропинкам,
Войду в вечера, в ковыли.
И всем расскажу без запинки
Всю заповедь здешней земли.*

И в Мечётке же произошла первая встреча с талантом своего земляка Михаила Шолохова. Всю жизнь любил и не уставал восхищаться Примеров «Тихим Доном» и его автором. Часто цитировал отрывки наизусть.

А любимым поэтом был Сергей Есенин – «самый русский» (по определению Евгения Евтушенко) поэт.

Ничего удивительного, конечно: и уроженец села с Рязанщины, и уроженец донской станицы – выросли в народной среде – среди лесов и трав, бабочек и шмелей, песен и народных сказаний.

Оба почитали природу, облакая её в красочные художественные формы.

А свои собственные стихи Борис начал сочинять очень рано, разговаривая с травами и птицами и слыша их голоса.

*Степь, спокойная, как лебедь,
Мой избыток синевы,
Зацелованная небом,
Прошуми в густой крови.
Ах, не я ли был той былью*

*В беспокойной славе гроз,
Где седую грусть ковылью
На ладонях к сердцу нёс...*

И впоследствии критики неоднократно ставили Примерова в ряд поэтов «есенинского типа», да-же предсказывали ему славу «князя русской пес-ни».

А Борис Примеров любил Марину Цветаеву, Николая Гумилёва, Бориса Пастернака и Павла Васильева. Писал, что «между этими силовыми точками лежит моё магнетическое поле поэзии».

Очень ценил Велимира Хлебникова, считая, что его осознанно затёрли куда-то на околицу русской поэзии.

Он не стеснялся говорить поклонникам Пастернака – которого очень любил сам:

На Пастернака можно выучиться, хоть и трудно, а на Есенина с Блоком – нет.

Всегда восхищался Некрасовым, цитируя, например, такую строчку – «Савраска увяз в половине сугроба». Всегда говорил, что просто литератор написал бы – «увяз в сугробе», а в «половине сугроба» мог написать только настоящий поэт с настоящим объёмным зрением!

Ну и, конечно, он боготворил Пушкина.

Он ведь и сам был – очень талантливым поэтом.

*Можно там щекою потереться
О дожди, идущие от туч,
Вытереться, как о полотенце,
О мохнатый предрассветный луч.*

С 1959 года вчерашний школьник работал литсотрудником районной газеты «Колхозная трибуна». Не сложилось, ушёл – сварщиком на азовский завод, затем – на знаменитый Ростсельмаш.

Но и в Азове, и в Ростове, Борис – активный участник литературных объединений.

В середине 60-х он отправился покорять Литературный институт имени Максима Горького. Творческий конкурс выдержал, но не прошел собеседования, так как не сошёлся в литературных вкусах с членами приёмной комиссии.

Не сдался.

Предпринял ещё одну попытку.

С Колей Рубцовым он жил в одной комнате, даже опекал его – вечно бездомного и безденежного. По поводу знаменитого стиха

В горнице моей светло.

Это от ночной звезды.

Матушка возьмёт ведро,

Молча принесёт воды... –

Усмехался:

- Ну что это такое, это же надуманно, зачем же он матушку по ночам за водой посылает, лучше бы сам сходил, к тому же утром удобней.

Ещё, смеясь, рассказывал, как они «с Колькой обменяли мой писательский билет» на несколько бутылок водки, когда не было денег...

А Сашу Вампилова Боря пригласил в шаферы – когда юная Наденька Кондакова согласилась стать Примеровой.

1969 год. Институт – за плечами.

А годом ранее – уже приняли в Союз писателей СССР. Рекомендацию дала в Ростове выездная столичная «тройка»: Анатолий Софронов, Роберт Рождественский и Сергей Смирнов.

Так вот случилось однажды – в Ростове-на-Дону.

Поэтический вечер.

На сцену вышел молодой совсем парень, ростсельмашевец. И начал читать.

И покорила публику.

О своём тогдашнем впечатлении оставил записи Анатолий Вениаминович Калинин: «Бывают такие мгновения, когда аудитория, заполненная так называемыми знатоками поэзии, и людьми, просто любящими стихи, и слушателями, привередливыми и легко воспламеняющимися, вдруг объединяется в одном чувстве и начинает бурно аплодировать.

Забыты различия во вкусах перед лицом настоящего неподдельного...»

Вот так, сразу и мощно, Борис Примеров вошёл в большую литературу.

И – с большой верой в своё «я»!

В Москве и Ленинграде, и снова в Ростове выходят новые сборники. Растёт сын Фёдор.

Борис Терентьевич искренне любил русскую культуру, русский язык. Алексей Кольцов, Сергей Есенин, Сергей Рахманинов, Михаил Шолохов, Анатолий Калинин, Сергей Лемешев...

Какие замечательные строки посвятил им автор из задонской станицы Мечётинской!

Но жизнь в столице – это не милая сердцу Мечётка. Город всё круто менял, обламывал. Кого-то – навсегда сгибал.

*В такую же безлунность,
У поля, без следа,
Всю молодость, всю юность
Украла города.*

*Я сам умчался в город
За славой. И с тех пор
Во мне убила скорость
Пространство и простор.*

*Ни августа, ни мая,
Где небо? Где земля?
Ах, что-то я теряю,
Не самого ль себя?*

«Мы своими искренними порывами не сумели спасти красоту... 60-е годы, на гребне которых мы вылетели из гнезда, быстро кончились. Началось повсеместное бурное восхваление невидимых, но тем яростнее декларируемых успехов. И на этом фоне кто-то из нас замолчал, кто-то с головой бросился в переводы, кто-то запил, сломался, совсем ушёл из жизни...»

Вот тут, пожалуй, и начинается реальная трагедия страны и реальная трагедия поэта, предсказанная им ещё в юношеских стихах:

*...напишут про грусть,
Что вошла навсегда
В моё сердце, как Русь.*

*Без неё нет поэта,
Песни собственной нет.
Вот и всё.
Умираю...
Разбудите рассвет.*

Уже со времени начала перестройки Борис Терентьевич, который вроде как должен был бы радоваться переменам, происходящим в стране, не находил себе места. Он чувствовал, что происходит что-то непоправимое.

Он ведь прекрасно понимал, что в СССР, несмотря на все идеологические догмы, жила ещё его крестьянская народная Россия, был жив уклад его предков, его русский язык.

А с перестройкой началось не возрождение его Родины.

Нет! Продолжилось интернациональное убийство России, стирание её особых, неповторимых черт. С экранов телевизоров хлынула примитивная иностранщина, духовная и плотская пошлость. Начался развал армии.

А разваливая СССР, разваливали не коммунизм. Разваливали Великую Российскую Империю.

И линия разлома прошла через сердце поэта.

После 1991 года, после развала СССР, развала-раздела-развода Союза писателей на враждующие лагеря, Примеров на время потерялся, за-молчал. Только невесело улыбался: «У меня в доме три Союза писателей, я – в одном, жена – в другом, Федька будет в третьем, когда институт закончит...»

Но надеялся, что вдохновение всё же вернётся.

И оно вернулось. Это совпало с появлением газеты Александра Проханова «День», где Примеров стал постоянным автором.

Борис Терентьевич начинает посещать сборы оппозиции, патриотические митинги и шествия.

Он – поэт крестьянской корневой России(!) – выступает против развала интернационального коммунистического государства.

Он видел в этом не наносное, поверхностное (борьбу с КПСС, КГБ, с бюрократами), а главное. Видел в этом попытку международных сил до-бить его Великую Державу, Российскую Империю, которую – полвека назад – не смогли сломить даже (покорившие почти всю Европу!) фашисты.

В трагические дни октября 1993 года журналисты «Дня» были в Белом доме, описывая происходящее и – наивно – надеясь на победу оппозиции.

Во время силового разгона Верховного Совета поэт Примеров был в числе защитников Российского парламента.

И очень тяжело, по свидетельству знакомых, переживал потом поражение. Физически ослаб, даже как-то сразу постарел.

Но писать не перестал – ведь недавно родилась внучка Василиса. Любимая! Он мечтал научить её (как и её маму Елену) стихотворчеству и создать поэтическую династию Примеровых.

Он говорил: «То, что не получилось у меня, получится у неё!»

И продолжал приходить в редакцию газеты.

Правда, после разгона Парламента разгромили и её. И переименовали в «Завтра». Но позицию свою редколлегия не изменила, и Борис Терентьевич приносил новые стихи.

Поэт Борис Примеров всегда был добрым и отзывчивым человеком. Оставался таким и ныне.

К собеседнику часто обращался «милый мой». Никогда, ни на что, ни на кого – не жаловался, хотя было понятно: живётся ему нелегко, в том числе и материально.

И он искренне мечтал о возврате СССР. Вот фрагмент из его поэмы «Молитва»:

*Боже, который Советской державе
Дал процвести в дивной силе и славе,
Боже, спасавший Советы от бед,
Боже, венчавший их громом побед.*

*Боже, помилуй нас в смутные дни,
Боже, Советскую власть нам верни!
Властью тиранов, Тобою венчанных,
Русь возвеличилась в подвигах бранных,*

*Стала могучею в мирных делах –
Нашим на славу, врагам же на страх.
Боже, помилуй нас в горькие дни,
Боже, Советский Союз нам верни!*

Такое не пишется по заказу.

Но Бог молчал, а поэт мучился, страдал, боролся.

И не выдержал.

5 мая 2013 года исполнится уже 18 лет с того страшного дня, когда на переделкинской даче российский поэт Борис Примеров решит, что – всё, хватит...

*Прощай, Великая держава,
Одна шестая часть Земли,
Которую на переправах
Мы сообща не сберегли...*

Он ушёл добровольно, не смирившись с действительностью.

Ушёл. Как Юлия Друнина. Как Вячеслав Кондратьев.

Как так любимая им Цветаева.

Похоронен в Переделкино рядом с могилой ещё одного любимого им поэта – Пастернака.

Могилы других разбросаны по всей Руси необозримой.

Всё на свете повторится снова,

Но таких, как ты, уже не ждём...

Синевой разбуженное слово

Пролилось некошеным дождём.

Это – снова Николай Скрёбов.

«Примеров был один из тех редких людей, кого Бог поцеловал на творчество».

А это – Владимир Цыбин.

Может быть, за все муки и страдания русского народа – именно в самые суровые, 37-й, 38-й, 39-й годы и именно перед самой войной – Бог так щедро награждал поцелуями нарождавшееся поколение?

И награждал «иконописными» глазами – как у блаженных и пророков.

Один из самых верных сегодняшних приверженцев монархии, художник Илья Сергеевич Глазунов, считал, что эти глаза нельзя было «сыграть».

Париж.

Штаб-квартира ЮНЕСКО.

Холл этого здания украшает монументальное полотно нашего соотечественника, народного художника России, Ильи Глазунова.

Работа, выполненная по заказу Всемирной организации, называется «Вклад народов Советского Союза в мировую культуру и цивилизацию»

Внимание привлекают фигуры Русского Икара и Бориса Годунова. А, если более конкретно, то необычные «иконописные» глаза этих персонажей. В них порой трудно смотреть: столько таится в их глубине какой-то (по меткому замечанию одного наблюдателя) «щемящей, неизбывной тоски и неприкаянности».

Именно глаза поразили когда-то автора работы.

Прототипом для глазуновских «Русского Икара» и «Бориса Годунова» послужил облик донского поэта Бориса Примерова.

Как нам смириться, что уходят даты?

Да можно смириться.

Лишь бы только уходили они – не раньше положенного срока.

Составитель – Е.И. Соколова

18 ИЮЛЯ
90 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЕВГЕНИЯ
АЛЕКСАНДРОВИЧА ЕВТУШЕНКО,
РУССКОГО ПОЭТА
(1932-)

БИОГРАФИЯ РУССКОГО ПОЭТА

Родился 18 июля 1933 года в Сибири, на станции Зима Иркутской Александр Рудольфович (1910-1976), геолог. Мать - Евтушенко Зинаида Ермолаевна (1910-2002), геолог, актриса, Заслуженный деятель культуры РСФСР. Супруга - Евтушенко Мария Владимировна (1961 г. рожд.), врач, филолог. Сыновья: Петр (1967 г. рожд.), художник; Александр (1979 г. рожд.), журналист, живет в Англии; Антон (1981 г. рожд.), живет в Англии; Евгений (1989 г. рожд.), учится в средней школе в США; Дмитрий (1990 г. рожд.), учится в средней школе в США.

Евгению Рейну, другу и, как многие считают, учителю Бродского, принадлежит постулат, датированный 1997 годом: «Россия – особая страна решительно во всех отношениях, даже под углом ее поэтического облика. Вот уже двести лет во все времена русскую поэзию представляет один великий поэт. Так было в восемнадцатом веке, в девятнадцатом и в нашем двадцатом. Только у этого поэта разные имена. И это неразрывная цепь. Вдумаемся в последовательность: Державин – Пушкин – Лермонтов – Некрасов – Блок – Маяковский – Ахматова – Евтушенко. Это – один-единственный Великий поэт с разными лицами. Такова поэтическая судьба России». Думается, что в отношении Евтушенко эта формула может быть безошибочно пролонгирована и на начало XXI столетия.

В Зиме прошли незабываемые детские годы Евгения Евтушенко.

«Откуда родом я? Я с некой
Сибирской станции Зима...»

Этому городу посвящены одни из самых пронзительных его лирических стихотворений и многие главы ранних поэм.

Евтушенко с раннего детства считал и ощущал себя Поэтом. Это видно из его ранних стихов, впервые опубликованных в первом томе его Собрания сочинений в 8 томах. Датированы они 1937, 1938, 1939 годами. Совсем не умильные вирши, а

талантливые пробы пера (или карандаша) 5-7-летнего ребенка. Его сочинительство и опыты поддерживаются родителями, а затем и школьными учителями, которые активно участвуют в развитии его способностей.

Поэт не раз с благодарностью вспоминает родителей, которые с ранних лет помогали ему через каждодневное общение, книги, знакомство и соприкосновение с искусством познать ценности окружающего мира, художественного наследия. «Отец часами мог рассказывать мне, еще несмышленому ребенку, и о падении Вавилона, и об испанской инквизиции, и о войне Алой и Белой роз, и о Вильгельме Оранском... Благодаря отцу я уже в 6 лет научился читать и писать, залпом читал без разбора Дюма, Флобера, Боккаччо, Сервантеса и Уэллса. В моей голове был невообразимый винегрет. Я жил в иллюзорном мире, не замечал никого и ничего вокруг...»

В последующие годы, несмотря на то, что у Александра Рудольфовича образовалась другая семья, он продолжал воспитание своего старшего сына поэзией. Так, осенью 1944 года они вместе ходили на вечер поэзии в МГУ, бывали и на других вечерах, слушая стихи Анны Ахматовой, Бориса Пастернака, Михаила Светлова, Александра Твардовского, Павла Антокольского и других поэтов.

Зинаида Ермолаевна не препятствовала встречам Жени с отцом, а еще раньше, когда писала ему письма, посылала стихи сына, в которых уже попадались строки и рифмы, свидетельствующие о способностях мальчика, так рано взявшегося за перо. Мама верила в его способности и отдавала себе отчет в ценности его ранних опытов. Она сохраняла тетради и отдельные листки со стихами, с работой по составлению словаря рифм, еще не существующих, по его мнению, в поэзии. К сожалению, по разным причинам что-то все-таки было утеряно, как тетрадь, которая включала примерно около 10 тысяч рифм.

Положительное влияние на формирование эстетических вкусов поэта, мастерство эстрадных выступлений и неподдельный интерес к театру и кино оказывала и сама вторая, артистическая, профессия мамы. В 1938-41 годах она была солисткой Московского театра имени К.С. Станиславского, окончив в 1939 году музыкальное училище имени М.М. Ипполитова-Иванова, в которое поступила еще будучи студенткой последнего курса геологоразведочного института - после того, как заняла первое место в смотре художественной самодеятельности вузов столицы. В ее доме бывали артисты - и ставшие впоследствии знаменитостями, и скромные труженики мосэстрадовской сцены, которых так трогательно выписал спустя многие десятилетия поэт в одной из глав поэмы «Мама и нейтронная бомба».

С начала войны по декабрь 1943 года она выступала на фронтах, затем - гастролью у хлеборобов Читинской области (декабрь 1943 г.), во время которых она тяжело

заболела тифом и пролежала несколько месяцев в больнице Читы. После выздоровления в 1944 году работала заведующей зиминским Домом культуры железнодорожников, а в конце июля 1944-го вернулась с сыном в Москву, откуда, после приезда по вызову из Зимы ее матери, снова отправилась по фронтам в составе концертной бригады своего театра, домой вернулась только в апреле победного 45-го. В последующие годы она работала во Всесоюзном гастрольно-концертном объединении и в московской филармонии в качестве режиссера по детской музыкальной работе вплоть до выхода на пенсию в 1977 году.

Гостеприимство Зинаиды Ермолаевны распространялось не только на собственных друзей, но и на окружение молодого, вступающего в бурную творческую жизнь сына. Своими в доме были многие поэты - Евгений Винокуров, Владимир Соколов, Роберт Рождественский, Григорий Поженян, Михаил Луконин и другие, не говоря уже о Белле Ахмадулиной, первой жене поэта; прозаик Юрий Казаков, драматург Михаил Рощин, литературовед Владимир Барлас, студенты Литературного института, художники Юрий Васильев и Олег Целков, актеры Борис Моргунов и Евгений Урбанский...

Поэт рос и учился в Москве, посещал поэтическую студию Дома пионеров. Был студентом Литературного института, в 1957 году исключен за выступления в защиту романа В. Дудинцева «Не хлебом единым». Печататься начал в 16 лет. Первые публикации стихов в газете «Советский спорт» датированы 1949 годом. Принятый в Союз писателей СССР в 1952 году, стал самым молодым его членом.

Первая книга - «Разведчики грядущего» (1952) - неслала родовые приметы декларативной, лозунговой, пафосно-бодряческой поэзии рубежа 1940-50-х годов. Но тем же годом, что и книга, датированы стихотворения «Вагон» и «Перед встречей», которые Евтушенко без малого четверть века спустя в статье «Воспитание поэзией» (1975) назовет «началом... серьезной работы» в литературе.

Подлинно дебютными стали не первая «ходульно-романтическая книжка», как аттестует сегодня «Разведчики грядущего» сам поэт, и даже не вторая - «Третий снег» (1955), а третья - «Шоссе энтузиастов» (1956) и четвертая - «Обещание» (1957) книги, а также поэма «Станция Зима» (1953-56). Именно в этих сборниках и поэме Евтушенко осознает себя поэтом нового, вступающего в жизнь поколения, которое позже назовут поколением «шестидесятников», и громко заявляет об этом программным стихотворением «Лучшим из поколения».

Мироощущение, умонастроение поэта складывались под воздействием сдвигов в самосознании общества, вызванных первыми разоблачениями культа личности Сталина.

Воссоздавая обобщенный портрет молодого современника «оттепели», Е. Евтушенко пишет собственный портрет, вбирающий духовные реалии как общественной, так и литературной жизни. Для выражения и утверждения ее поэт находит броские афористичные формулы, воспринимавшиеся полемическим знаком нового антисталинского мышления:

Усердье в подозрениях не заслуга.
Слепой судья народу не слуга.
Страшнее, чем принять врага за друга,
Принять поспешно друга за врага.

Или:

И лезут в соколы ужи,
Сменив, с учетом современности,
Приспособленчество ко лжи
Приспособленчеством ко смелости.

С молодым задором декларируя собственную разность, поэт упивается разнообразием окружающего его мира и жизни и искусства, готов вобрать его в себя во всем всеохватном богатстве. Отсюда буйное жизнелюбие и программное стихотворения «Пролог», и других созвучных стихов рубежа 1950-60-х годов, проникнутых той же неумной радостью бытия, жадностью ко всем его - и не одним только прекрасным - мгновениям, остановить, объять которые неудержимо спешит поэт. Как бы декларативно ни звучали при этом иные его стихи, в них нет и тени бездумного бодрчества, охотно поощрявшегося официальной критикой, - речь о максимализме социальной позиции и нравственной программы, которые провозглашает и отстаивает «возмутительно нелогичный, непростительно молодой» поэт:

Нет, мне ни в чем не надо половины!
Мне - дай все небо! Землю всю положь!

Ярость тогдашних охранителей канона вызвала прозаическая «Автобиография», напечатанная во французском еженедельнике «Экспрессо» (1963). Перечитывая «Автобиографию» сейчас, по прошествии 40 лет, ясно видишь: скандал инспирировался намеренно и инициаторами его были идеологи из ЦК КПСС. Велась очередная проработочная кампания по завинчиванию гаек и выкручиванию рук - для остротки и

самого Евтушенко, и тех «инакомыслящих», кто оппозиционно воспринял погромные встречи Н.С. Хрущева с творческой интеллигенцией. Лучший ответ на это Е. Евтушенко дал включением фрагментов ранней «Автобиографии» в позднейшие стихи, прозу, статьи автобиографического характера и публикацией ее с небольшими сокращениями в 1989 и 1990 годах.

Идейно-нравственный кодекс поэта был сформулирован не сразу: на исходе 1950-х годов он во весь голос заговорил о гражданственности, хотя дал ей поначалу крайне зыбкое, расплывчатое, приблизительное определение:

Она совсем не понуканье,
А добровольная война.
Она - большое пониманье
И доблесть высшая она.

Развивая и углубляя ту же мысль в «Молитве перед поэмой», которой открывается «Братская ГЭС», Евтушенко найдет куда более ясные, четкие определения:

Поэт в России - больше, чем поэт.
В ней суждено поэтами рождаться
Лишь тем, в ком бродит гордый дух гражданства,
Кому уют нет, покоя нет.

Впрочем, и эти строки, ставшие хрестоматийными, тоже списывались бы на декларации, если б подтверждением им не были стихи, чье обнародование, будучи актом гражданского мужества, становилось крупным событием как литературной, так и (не в меньшей, если не в большей мере) общественной жизни: «Бабий Яр» (1961), «Наследники Сталина» (1962), «Письмо Есенину» (1965), «Танки идут по Праге» (1968), «Афганский муравей» (1983). Эти вершинные явления гражданской лирики Евтушенко не носили характера одноразового политического действия. Так, «Бабий Яр» прорастает из стихотворения «Охотнорядец» (1957) и в свою очередь отзывается в 1978-м другими созвучными строками:

У русского и у еврея
Одна эпоха на двоих,
Когда, как хлеб, ломая время,
Россия вырастила их».

Под стать вершинам гражданской поэзии Е. Евтушенко его безбоязненные поступки в поддержку преследуемых талантов, в защиту достоинства литературы и искусства, свободы творчества, прав человека. Таковы многочисленные телеграммы и письма протеста против суда над А. Синявским и Ю. Даниэлем, травли А. Солженицына, советской оккупации Чехословакии, правозащитные акции заступничества за репрессированных диссидентов - генерала П. Григоренко, писателей А. Марченко, З. Крахмальникову, Ф. Светова, поддержка Э. Неизвестного, И. Бродского, В. Войновича.

Частым поездкам по стране, в том числе по русскому Северу и Заполярью, Сибири и Дальнему Востоку, поэт обязан как многими отдельными стихами, так и большими циклами и книгами стихов. Немало путевых впечатлений, наблюдений, встреч влилось в сюжеты поэм - широкая география целенаправленно работает в них на эпическую широкоохватность замысла и темы.

По частоте и протяженности не знают себе равных в писательской среде маршруты зарубежных поездок Е. Евтушенко. Он побывал на всех, кроме Антарктиды, континентах, пользуясь всеми видами транспорта - от комфортабельных лайнеров до индейских пирога - вдоль и поперек исколесил большинство стран. Сбылось-таки:

Да здравствует движение и жаркость,
И жадность, торжествующая жадность!
Границы мне мешают...
Мне неловко
Не знать Буэнос-Айреса, Нью-Йорка.

Ностальгически вспоминая «первый день поэзии» в так и озаглавленном стихотворении конца 1970-х, Е. Евтушенко восславляет поэзию, которая бросилась «на приступ улиц» в то обнадеживающее «оттепельное» время, «когда на смену словесам затертым слова живые встали из могил». Своей ораторской патетикой молодого трибуна он больше других способствовал тому, чтобы «происходило чудо оживанья доверия, рожденного строкой. Поэзию рождает ожиданье поэзии народом и страной». Неудивительно, что именно его признали первым трибунным поэтом эстрады и телевидения, площадей и стадионов, да и сам он, не оспаривая этого, всегда горячо ратовал за права слова звучащего. Но ему же принадлежит «осеннее» раздумье, относящееся как раз к шумной поре эстрадных триумфов начала 1960-х:

Прозренья - это дети тишины.
Случилось что-то, видимо, со мной,
И лишь на тишину я полагаюсь...

Кому, как не ему, поэтому было надо энергично опровергать в начале 1970-х годов назойливые противопоставления «тихой» поэзии «громкой», разгадав в них недостойную «игру в свободу от эпохи», опасное сужение диапазона гражданственности? И, следуя себе, провозглашать неприкрашенную правду времени тем единственным критерием, которым надлежит поверять ту и другую?

«Поэзия, будь громкой или тихой, -
Не будь тихоней лживой никогда!»

Тематическое, жанровое, стилевое многообразие, отличающее лирику Евтушенко, в полной мере характеризует его поэмы. Лирическая исповедальность ранней поэмы «Станция Зима» и эпическая панорамность «Братской ГЭС» - не единственные крайние полюса. При всей их художественной неравнозначности каждая из 19 его поэм отмечена «лица необщим выраженьем». Как ни близка «Братской ГЭС» поэма «Казанский университет» (1970), она и при общей эпической структуре обладает собственным, специфическим своеобразием. Недоброжелатели поэта не без тайного и явного злорадства ставят в вину сам факт написания ее к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина. Между тем «Казанский университет» - не юбилейная поэма о Ленине, который и появляется, собственно, в двух последних главах (всего их 17). Это поэма о передовых традициях русской общественной мысли, «пропущенных» через историю Казанского университета, о традициях просветительства и либерализма, вольнодумия и свободолюбия.

В русскую историю погружены поэмы «Ивановские ситцы» (1976) и «Непрядва» (1980). Первая более ассоциативна, вторая, приуроченная к 800-летию Куликовской битвы, - событийна, хотя в ее образный строй наряду с эпическими картинами повествовательного плана, воссоздающими далекую эпоху, включены лирические и публицистические монологи, стыкующие многовековое прошлое с современностью.

На виртуозном сцеплении многочисленных голосов публики, падкой до будоражающих зрелищ, быка, обреченного на заклание, молодого, но уже отравленного «ядом арены» тореро, приговоренного, пока не погибнет сам, вновь и вновь «убивать по обязанности», и даже пропитанного кровью песка на арене строится поэма «Коррида» (1967). Спустя год волнующая поэта «идея крови», которой оплачены многовековые

судьбы человечества, вторгается и в поэму «Под кожей статуи Свободы», где в единую цепь кровопролитных трагедий мировой истории ставятся убийства царевича Дмитрия в древнем Угличе и президента Джона Кеннеди в современном Далласе.

В ключе сюжетных повествований о человеческих судьбах выдержаны поэмы «Снег в Токио» (1974) и «Северная надбавка» (1977). В первой поэмой замысел воплотился в форме притчи о рождении таланта, высвободившегося из оков недвижимого, освященного вековым ритуалом семейного быта. Во второй - непритязательная житейская быль произрастает на сугубо российской почве и, поданная в обычном потоке будней, воспринимается их достоверным слепком, содержащим много привычных, легко узнаваемых подробностей и деталей.

Не в изначальном, а в доработанном виде включены в восьмитомное собрание сочинений Е. Евтушенко публицистически ориентированные поэмы «В полный рост» (1969-1973-2000) и «Просека» (1975-2000). То, что разъяснено поэтом в авторском комментарии ко второй, приложимо и к первой: он писал обе четверть и более века «тому назад, совершенно искренне цепляясь за остатки иллюзий, окончательно не убитые... еще со времен "Братской ГЭС"». Нынешний отказ от них едва не побудил к отречению и от поэм. Но поднятая было «рука опустилась, как бы независимо от моей воли, и правильно сделала». Так же правильно, как поступили друзья, редакторы восьмитомника, уговорив автора спасти обе поэмы. Вняв советам, он спас их тем, что убрал излишества публицистики, но сохранил в неприкосновенности реалии минувших десятилетий. «Да, СССР больше нет, и я уверен, что не нужно было реанимировать даже музыку его гимна, но люди-то, которые называли себя советскими, и в том числе я, ... остались». Значит, и чувства, какими они жили, - «это тоже часть истории. А историю из нашей жизни, как показали столькие события, вычеркивать невозможно...»

Синтез эпики и лирики отличает развернутую в пространстве и времени политическую панораму современного мира в поэмах «Мама и нейтронная бомба» (1982) и «Фуку!» (1985). Безусловное первенство принадлежит Е. Евтушенко в изображении таких взаимосвязанных явлений и тенденций агонизирующей советской действительности 1980-х годов, как реанимация сталинизма и возникновение отечественного фашизма.

Евгений Евтушенко сорвал плотную завесу стыдливых умолчаний о легализации русского фашизма и его первой публичной демонстрации в Москве на Пушкинской площади «в день рождения Гитлера / под всевидящим небом России». Тогда, в начале 1980-х, то была действительно «жалкая кучка парней и девчонок», «играющих в свастику». Но, как показало в середине 1990-х появление и сегодня действующих фашистских партий и движений, их военизированных формирований и

пропагандистских изданий, тревожный вопрос поэта прозвучал вовремя и даже с опережением:

Как случиться могло,
Чтобы эти, как мы говорим, единицы,
Уродились в стране
Двадцати миллионов и больше - теней?
Что позволило им,
А верней, помогло появиться,
Что позволило им
Ухватиться за свастику в ней?

В поэтическом словаре Евтушенко слово «застой» появилось еще в середине 1970-х годов, то есть задолго до того, как оно вошло в политический лексикон «перестройки». В стихах конца 1970-х - начала 1980-х годов мотив душевного непокоя, разлада с «застойной» эпохой выступает одним из доминирующих. Ключевое понятие «перестройка» появится спустя время, но ощущение тупиковости «доперестроечного» пути уже владеет поэтом. Закономерно поэтому, что он стал одним из тех первых энтузиастов, кто не просто принял идеи «перестройки», но деятельно способствовал их претворению в жизнь. Совместно с академиком А. Сахаровым, А. Адамовичем, Ю. Афанасьевым - как один из сопредседателей «Мемориала», первого массового движения российских демократов. Как общественный деятель, ставший вскоре народным депутатом СССР и возвысивший свой депутатский голос против цензуры и унижительной практики оформления зарубежных выездов, диктата КПСС, ее - от райкомов до ЦК - иерархии в кадровых вопросах и монополии государства на средства производства. Как публицист, активизировавший свои выступления в демократической печати. И как поэт, чья возрожденная вера, обретя новые стимулы, полнозвучно выразила себя в стихах второй половины 1980-х годов: «Пик позора», «Перестройщики перестройки», «Страх гласности», «Так дальше жить нельзя», «Вандея». Последнее - и о литературном бытии, в котором назревал неизбежный раскол Союза писателей СССР, чье монолитное единство оказалось одним из фантомов пропагандистского мифа, исчезнувшим вслед за «гекачепистским» путчем в августе 1991 года.

Стихи 1990-х годов, вошедшие в сборники «Последняя попытка» (1990), «Моя эмиграция» и «Белорусская кровинка» (1991), «Нет лет» (1993), «Золотая загадка моя» (1994), «Поздние слезы» и «Мое самое-самое» (1995), «Бог бывает всеми нами...» (1996), «Медленная любовь» и «Невылившка» (1997), «Краденые яблоки» (1999), «Между

Лубянской и Политехническим» (2000), «Я прорвусь в двадцать первый век...» (2001) или увидевшие свет в газетных и журнальных публикациях, а также последняя поэма «Тринадцать» (1993-96) свидетельствуют, что в «постперестроечное» творчество Е. Евтушенко вторгаются мотивы иронии и скепсиса, усталости и разочарования.

В конце 1990-х и в первые годы нового века заметно снижение поэтической активности Евтушенко. Объясняется это не только длительным пребыванием на преподавательской работе в США, но и все более интенсивными творческими исканиями в других литературных жанрах и видах искусства. Еще в 1982 году он предстал в качестве романиста, чей первый опыт - «Ягодные места» - вызвал разноречивые, от безоговорочной поддержки до резкого неприятия, отзывы и оценки. Второй роман - «Не умирай прежде смерти» (1993) с подзаголовком «Русская сказка» - при всей калейдоскопичности сюжетных линий, разнобойности населяющих его героев имеет своим направляющим стержнем драматичные ситуации «перестроечной» поры. Заметным явлением современной мемуарной прозы стала книга «Волчий паспорт» (М., 1998).

Итог более чем 20-летней не просто составительской, но исследовательской работы Евтушенко - издание на английском в США (1993) и русском (М.; Минск, 1995) языках антологии русской поэзии XX века «Строфы века», фундаментальный труд (более тысячи страниц, 875 персоналий!). Зарубежный интерес к антологии опирается на объективное признание ее научного значения, в частности, как ценного учебного пособия по университетским курсам истории русской литературы. Логическим продолжением «Строф века» станет еще более фундаментальный труд, завершаемый поэтом, - трехтомник «В начале было Слово». Это антология уже всей русской поэзии, с XI по XXI век, включая «Слово о полку Игореве» в новом «перекладе» на современный русский язык.

Евгений Евтушенко был редактором многих книг, составителем ряда больших и малых антологий, вел творческие вечера поэтов, составлял радио- и телепрограммы, организовывал грамзаписи, сам выступал с чтением стихов А. Блока, Н. Гумилева, В. Маяковского, А. Твардовского, писал статьи, в том числе для конвертов пластинок (об А. Ахматовой, М. Цветаевой, О. Мандельштаме, С. Есенине, С. Кирсанове, Е. Винокурове, А. Межирове, Б. Окуджаве, В. Соколове, Н. Матвеевой, Р. Казаковой и многих других).

Всему творческому пути Евтушенко неотлучно сопутствовал отнюдь не любительский и вовсе не дилетантский интерес к кино. Видимое начало его кинотворчеству положили «поэма в прозе» «Я - Куба» (1963) и кинофильм М. Калатозова и С. Урусевского, снятый по этому сценарию. Благотворную роль

творческого стимула наверняка сыграла в дальнейшем дружба с Феллини, близкое знакомство с другими мастерами мирового экрана, а также участие в фильме С. Кулиша «Взлет» (1979), где поэт снялся в главной роли К. Циолковского. (Желание сыграть Сирано де Бержерака в фильме Э. Рязанова не осуществилось: успешно пройдя пробы, Евтушенко решением Комитета кинематографии не был допущен к съемкам.) По собственному сценарию «Детский сад» он поставил одноименный кинофильм (1983), в котором выступил и как режиссер, и как актер. В том же триедином качестве сценариста, режиссера, актера выступил в фильме «Похороны Сталина» (1990).

Не менее чем к экрану поэт творчески привязан и к сцене. И не только как блестящий исполнитель стихов, то и как вначале автор инсценировок и сценических композиций («На этой тихой улочке» по «Четвертой Мещанской», «Хотят ли русские войны», «Гражданские сумерки» по «Казанскому университету», «Пресека», «Коррида» и др.), затем как автор пьес. Некоторые из них становились событиями культурной жизни Москвы - например, «Братская ГЭС» в Московском драмтеатре на М. Бронной (1967), «Под кожей статуи Свободы» в любимовском театре на Таганке (1972), «Благодарю вас навсегда...» в Московском драмтеатре имени М.Н. Ермоловой (2002). Сообщалось о премьерах спектаклей по пьесе Е. Евтушенко «Если бы все датчане были евреями» в Германии и Дании (1998).

Произведения Е. Евтушенко переведены более чем на 70 языков, они изданы во многих странах мира. Только в Советском Союзе, России, а это, следует признать, далеко не большая часть изданного, к 2003 году вышло более 130 книг, в том числе более 10 книг прозы и публицистики, 11 сборников поэтических переводов с языков братских республик и одна - перевод с болгарского, 11 сборников - на языках народов бывшего СССР. За рубежом в дополнение к сказанному отдельными изданиями выходили фотоальбомы, а также эксклюзивные и коллекционные раритеты.

Прозу Е. Евтушенко, кроме упомянутых выше романов, составляют две повести - «Пирл-Харбор» (1967) и «Ардабиола» (1981), а также несколько рассказов. Только в средствах массовой информации рассыпаны сотни, если не тысячи интервью, бесед, выступлений, откликов, писем (в том числе и с его подписью коллективных), ответов на вопросы всевозможных анкет и опросов, изложений речей и высказываний. Пять киносценариев и пьес для театра были опубликованы тоже только в периодике, а фотографии с персональных фотовыставок «Невидимые нити», демонстрировавшихся в 14 городах страны, в Италии и Англии, - в буклетах, проспектах, газетных и журнальных публикациях.

Десятки произведений поэта стимулировали создание музыкальных произведений, начиная от «Бабьего Яра» и главы из «Братской ГЭС», вдохновивших Д. Шостаковича

на едва не запрещенную «сверху» Тринадцатую симфонию и высоко оцененную Государственной премией симфоническую поэму для хора и оркестра «Казнь Степана Разина», и кончая популярными песнями «Бежит река, в тумане тает...», «Хотят ли русские войны», «Вальс о вальсе», «А снег повалится, повалится...», «Твои следы», «Спасибо вам за тишину», «Не спеши», «Дай Бог» и другие.

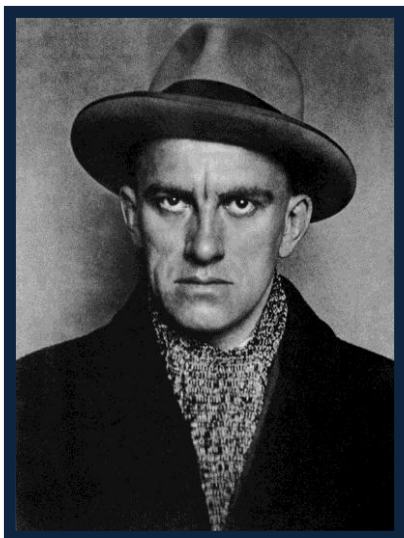
О жизни и творчестве Е. Евтушенко написано около десятка книг, не менее 300 общих работ, а количество статей и рецензий, посвященных отдельным сборникам и произведениям поэта, его поэтическим переводам, языку и стилю невозможно подчитать - оно огромно. Эти сведения при желании можно почерпнуть из опубликованных библиографий.

Евгений Евтушенко - почетный член Американской академии искусств, почетный член Академии изящных искусств в Малаге, действительный член Европейской академии искусств и наук, почетный профессор «Honoris Causa» Университета новой школы в Нью-Йорке и Королевского колледжа в Квинсе. За поэму «Мама и нейтронная бомба» удостоен Государственной премии СССР (1984). Лауреат премий имени Т. Табидзе (Грузия), Я. Райниса (Латвия), Фреджене-81, «Золотой лев» Венеции, Энтурия, премии города Триада (Италия), международной премии «Академии Симба» и других. Лауреат премии Академии российского телевидения «Тэффи» за лучшую просветительскую программу «Поэт в России - больше, чем поэт» (1998), премии имени Уолта Уитмена (США). Награжден орденами и медалями СССР, почетной медалью Советского фонда мира, американской медалью Свободы за деятельность по защите прав человека, специальным знаком за заслуги Йельского университета (1999). Широкий резонанс имел отказ от получения ордена Дружбы в знак протеста против войны в Чечне (1993). Роман «Не умирай прежде смерти» был признан лучшим иностранным романом 1995 года в Италии.

За литературные достижения в ноябре 2002 года Евгению Евтушенко присуждена интернациональная премия Aquila (Италия). В декабре того же года он награжден золотой медалью «Люмьеры» за выдающийся вклад в культуру XX века и популяризацию российского кино.

В мае 2003 года Е. Евтушенко награжден общественным орденом «Живая легенда» (Украина) и орденом Петра Великого, в июле 2003 года – грузинским «Орденом Чести». Отмечен Почетным знаком основателя Центра реабилитации детей в России (2003). Почетный гражданин города Зима (1992), а в Соединенных Штатах - Нью-Орлеана, Атланты, Оклахомы, Талсы, штата Висконсин.

В 1994 году именем поэта названа малая планета Солнечной системы, открытая 6 мая 1978 года в Крымской астрофизической обсерватории (4234 Evtushenko, диаметр 12 км, минимальное расстояние от Земли 247 млн. км).

19 ИЮЛЯ
120 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЛАДИМИРА
ВЛАДИМИРОВИЧА МАЯКОВСКОГО,
СОВЕТСКОГО ПОЭТА
(1893-1930)

*«Ярость творческой его совести.
Чутье неназревшей еще ответственности перед
вечностью — его судилищем».*

Маяковский родился в селе Багдады в Грузии в семье Владимира Константиновича Маяковского (1857—1906), служившего лесничим в Эриванской губернии, с 1889 в Багдадском лесничестве. Мать поэта, Александра Алексеевна (1867—1954), из рода кубанских казаков, родилась на Кубани. В 1902 году Маяковский поступил в гимназию в Кутаиси. После смерти отца в 1906 г. Маяковский с матерью и сестрами переехали в Москву. В 1906 г. в Москве он поступил в пятую гимназию (ныне московская школа № 91), где учился в одном классе с братом Пастернака Шурой. Прервал обучение в 1908 году и занялся революционной деятельностью.

В 1908 году вступил в РСДРП, трижды арестовывался. Стихи начал писать в 1909 году в одиночной камере Бутырской тюрьмы, впрочем, он был недоволен написанным. В воспоминаниях он пишет:

«Вышло ходульно и ревплаксиво. Что-то вроде:
В золото, в пурпур леса одевались,
Солнце играло на главах церквей.
Ждал я: но в месяцах дни потерялись,
Сотни томительных дней.

Исписал таким целую тетрадку. Спасибо надзирателям — при выходе отобрали. А то б ещё напечатал!»

В 1911 году поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Познакомившись с Давидом Бурлюком, вошёл в поэтический круг и примкнул к кубофутуристам.

Первое опубликованное стихотворение называлось «Ночь» (1912), оно вошло в футуристический сборник «Пощёчина общественному вкусу». В 1913 г. обращается к драматургии, трагедия «Владимир Маяковский», автор поставил пьесу и исполнил заглавную роль.

В 1914—1915 гг. работает над поэмой «Облако в штанах».

Летом 1915 г. знакомство семьей Бриков. Поэма «Флейта-позвоночник». Антивоенная лирика: «Мама и убитый немцами вечер», «Я и Наполеон», поэма «Война и мир» (1915). Обращение к сатире. Цикл «Гимны» для журнала «Новый Сатирикон» (1915). 1917 г. «Революция. Поэтохроника».

Снимался в фильмах по собственным сценариям. 1918 г. «Мистерия Буфф» поставлена к годовщине революции.

Лидер объединений левых художников — комфуты, МАФ, Леф, Реф.

1918-19 г газ. «Искусство коммуны». Пропаганда мировой революции и революции духа. Переезд из Петрограда в Москву. Поэма «150 000 000» — тема мировой революции.

1919-1921 гг. организовал выпуск «Окон РОСТА». Годы гражданской войны будет считать лучшим временем в жизни, в поэме «Хорошо!» благополучного 1927 года ностальгические главы.

В 1922-23 гг. в ряде произведений продолжает настаивать на необходимости мировой революции и революции духа — «IV интернационал», «Пятый интернационал», «Моя речь на генуэзской конференции» и др.

В 1925 отправляется в самое длительное свое путешествие — за океан: посетил Гавану, Мехико и в течение трех месяцев выступал в различных городах США с чтением стихов и докладов. Позже были написаны стихи (сборник «Испания. — Океан. — Гавана. — Мексика. — Америка») и очерк «Мое открытие Америки».

В 1922-26 гг. активно сотрудничал в «Известиях», в 1926-29 гг. — в «Комсомольской правде». Печатался в журналах: «Новый мир», «Молодая гвардия», «Огонёк», «Крокодил», «Красная нива» и др. Работал в агитке и рекламе, за что подвергался критике Б.Пастернака, В.Катаева, М.Светлова. В 1923 году организовал группу Леф (Левый фронт), толстый журнал «Леф» (в 1923-25 гг. вышло семь номеров).

Летом 1928 года — разочарование в Лефе и уход из организации и журнала.

Сатирические пьесы «Клоп» (1928), «Баня» (1929) поставлены Мейерхольдом.

Именно в 1929 году поэта настигает то самое разочарование, которое переживает каждый поэт, крах тех ценностей, которые он боготворил, но не для всех поэтов это заканчивается именно так...

14 апреля 1930 года в 10:15 утра Маяковский выстрелил себе в сердце из револьвера. Это произошло в Москве, в доме № 3 по Лубянскому проезду, кв. № 12. Очевидно, это было самоубийство. Однако, вопреки посмертной просьбе самого поэта «В том, что умираю, не вините никого, и, пожалуйста, не сплетничайте. Покойник этого ужасно не любил», продолжают спекуляции вокруг его смерти. Часто высказывается версия об убийстве, однако дополнительные экспертизы и расследования каких-либо неоспоримых доказательств этой версии не обнаружили.

Воображение, сочетание энергии митинга и демонстрации. Уже первое стихотворение «Багровый и белый отброшен и скомкан...» могло стать манифестом авангарда в поэзии. Никогда ещё поэзия не была настолько свободно экспрессивна и метафорична. «Пойду рыдать, что перекрёстком распяты городовые» или «А вы ноктюрн сыграть смогли бы на флейте водосточных труб». Поражало лиричнейшей камерностью.

В дореволюционном творчестве форсированная до крика исповедь поэта, воспринимающего действительность как апокалипсис (трагедия «Владимир Маяковский», 1914, поэмы «Облако в штанах», 1915; «Флейта-позвоночник», 1916; «Человек» 1916—1917). Вслед за "Флейтой" было написано стихотворение, впервые напечатанное в первом томе полного собрания сочинений, "Лиличке!" (М., "Художественная литература", 1953 год). Оригинальное творчество началось после знакомства с поэзией символиста Андрея Белого. По признанию поэта, всё началось со строки Андрея Белого «В небеса запустил ананасом». Давид Бурлюк познакомил молодого поэта с поэзией Рембо, Бодлера, Верлена, Верхарна, но решающее воздействие оказал свободный стих Уитмена; нередко можно встретить утверждение, что стихосложение Маяковского уникально, и он не имел предшественников, но это не совсем так. Маяковский не признавал стихотворные размеры, он придумывал для своих стихов ритм; полиметрические композиции объединяются стилем и единой синтаксической интонацией, которая задаётся графической подачей стиха: сперва разделением стиха на несколько строк, записываемых в столбик, а с 1923 года знаменитой «лесенкой», которая стала «визитной карточкой» Маяковского. Лесенка помогала Маяковскому заставить читать его стихи с правильной интонацией, т.к. запятых иногда было недостаточно.

Впрочем, о «лесенке» Маяковского ходили более приземленные слухи. Некоторые были убеждены, что поэт «ломал» строчки лишь для того, чтобы увеличить свой гонорар за публикацию стихов, так как тарифицировалась каждая строка произведения.

Вы себе представляете
парижских женщин
с шеей разжемчуженной,
разбриллиантенной
рукой...
Бросьте представлять себе!
Жизнь -
жестче -
у моей парижанки
вид другой...

Благодаря мощному голосу и блестящим артистическим способностям, он становится явным лидером всех публичных выступлений футуристов.

После 1917 сотворение социалистического мифа о миропорядке (пьеса «Мистерия-буфф», 1918, поэмы «150000000», 1921, «Владимир Ильич Ленин», 1924, «Хорошо!», 1927) и трагически нарастающее ощущение его порочности (от стихотворения «Прозаседавшиеся», 1922, до пьесы «Баня», 1929)

«Время митингов и собраний» как нельзя больше способствует победоносному шествию с эстрады в народ. В это время страна ещё едина в ожидании мировой революции, падения всех государств и эры всеобщей справедливости. Многие исследователи Маяковского утверждают, что в середине 1920-х годов он начал разочаровываться в реальностях социалистического строя, хотя стихи, проникнутые официальной бодростью, в том числе посвящённые коллективизации, продолжал создавать до последних дней

Широк, слишком широк поэт, «надо бы сузить». Маяковского тщетно пытались сузить. Для одних он великий лирик. Для других трибун, поэт революции. Для Ленина прежде всего хороший сатирик. Для Сталина — громадный поэт...

Поэт воплощает представление о человеке как венце мировоззрения, имеющем право не считаться ни с чем и ни с кем, что вне его. Вызов Небу — это вызов и Богу, прямо заявленное сомнение в его всемогуществе.

Всемогущий, ты выдумал пару рук,
сделал,
что у каждого есть голова,-
отчего ты не выдумал,
чтоб было без мук
целовать, целовать, целовать?!
(«Облако в штанах», 1914-15)

Творчество Маяковского, прекрасно знавшего Священное писание, насыщено цитатами и подспудным ссылками на него, постоянным спором с ним.

И конечно же, надо упомянуть Маяковского в кино. В 1918 году он написал сценарий для фильма «Не для денег рождённый» по мотивам романа Джека Лондона «Мартин Иден». Поэт сам сыграл главную роль Ивана Нова. К сожалению, не сохранилось ни одной копии этого фильма.

Также в 1918 году Маяковский снялся в главной роли в экспериментальном фильме «Барышня и хулиган», поставленном по сценарию, написанному самим Маяковским. Через 50 лет сценарий не остался забытым — в 1970 году вышел телефильм-балет «Барышня и хулиган» на основе сценария 1918 года

«Едва ли найдется в истории другой пример того, чтобы человек, так далеко ушедший в новом опыте, в час, им самим предсказанный, когда этот опыт, пусть и ценой неудобств, стал бы так насущно нужен, так полно бы от него отказался. Его место в революции, внешне столь логичное, внутренне столь принужденное и пустое, навсегда останется для меня загадкой...»

(Борис Пастернак, из повести «Охранная грамота»)

«...Искусство называлось трагедией. Так и следует ему называться. Трагедия называлась «Владимир Маяковский». Заглавье скрывало гениально простое открытие, что поэт не автор, но — предмет лирики, от первого лица обращающейся к миру. Заглавье было не именем сочинителя, а фамилией содержания.»

«...Говоря о данном поэте, Маяковском, придется помнить не только о веке, нам непрестанно придется помнить на век вперед. Эта вакансия: первого в мире поэта масс — так скоро-то не заполнится. И оборачиваться на Маяковского нам, а может быть, и нашим внукам, придётся не назад, а вперед».

«...Своими быстрыми ногами Маяковский ушагал далеко за нашу современность и где-то, за каким-то поворотом, долго еще нас будет ждать». М. Цветаева (Из статьи «Поэт и время»)

«Я пытался писать музыку на стихи Маяковского, но это оказалось очень трудным, как-то не получалось. Должен сказать, что переложить стихи Маяковского на музыку очень трудно, мне особенно трудно это сделать, так как в моих ушах и сейчас звучит чтение Маяковского и мне бы хотелось, чтобы в музыке нашли себе место интонации Маяковского, читающего свои стихи» Д. Шостакович (Из книги «Маяковский в воспоминаниях современников»)

07 СЕНТЯБРЯ
90 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЭДУАРДА
АРКАДЬЕВИЧА АСАДОВА, РУССКОГО
ПРОЗАИКА И ПОЭТА

«Сражаюсь, верую, люблю»

*... А все живу, волнуясь и борясь.
Да можно ль жить спокойною судьбою,
Коль часто в мире возле правды - грязь,
А где-то подлость рядом с добротой
И где-то нынче в гордое столетье
Порой сверкают выстрелы во мгле,
И есть еще предательства на свете,
И есть еще несчастья на земле.
И под ветрами с четырех сторон
Иду я в бой как в юности когда-то,
Гвардейским стягом рдеет небосклон,
Наверное, так вот в мир и я рожден-
С душой поэта и судьбой солдата*

Это строки из стихотворения Эдуарда Асадова "Всегда в бою". Название глубоко символично для всего творчества поэта. Впрочем, не только для творчества, но и для всей его жизни. Душа поэта и судьба солдата! Нет никакого сомнения в том, что в единстве счастья и мужества, нежности и отваги, упорства и доброты заключается одна из привлекательных особенностей поэзии Э. Асадова.

За плечами у поэта яркая и мужественная биография. И ему есть чем поделиться со своим читателем, есть что рассказать в стихах и поэмах. И все это будило воображение, врезалось в память навсегда. Такова была Средняя Азия тех лет. До Марьинской ГРЭС, Каракумского канала, многоэтажных зданий и могучих воздушных лайнеров было еще далеко.

В 1929 году случилась беда. В возрасте 31 года умер отец Эдуарда. И мать с сыном переехали на Урал в Свердловск. Туда, где жил тот самый "исторический дедушка" доктор Иван Калустович Курдов. Здесь в восьмилетнем возрасте Асадов

написал свое первое стихотворение, здесь полюбил литературу, театр, музыку и вообще искусство, занимался в драмкружках, читал стихи на конкурсах и олимпиадах - всю бурлила армянская энергия и литературная душа!

Ну а дальше жизнь Асадова снова изменилась. Умер дедушка. Лидию Ивановну, как опытного педагога, перевели работать в Москву. Началась жизнь, полная новых и ярких впечатлений. Красавица Москва с ее Красной площадью, проспектами, площадями, станциями метро, театрами, Третьяковской, буквально закружила Асадова, наполняя душу ярким, светлым, незабываемым. Снова уроки, споры в школьных коридорах, новые друзья, вечера самодеятельности и стихи, стихи...

А время шло и шло вперед, неумолимо приближаясь к той незримой роковой черте, за которой находилась иная жизнь, иные измерения, самые тяжкие испытания человека и самая главная проверка всех его духовных и физических сил.

14 июня 1941 года в 38-й московской школе состоялся выпускной бал. И хотя одеты выпускники были проще, чем, скажем, выпускники теперешних лет, но одевались и наглаживались они все-таки на славу и веселились еще горячей.

Говорили сумбурно, грустно и весело. Мечтали, строили планы, шутили, о чем-то спорили запальчиво и легко... В актовом зале сияли все плафоны и люстры, без усталости трудилась старенькая школьная радиолка, кружились бесконечные пары, а над головами, через усилитель катился по лестницам и коридорам голос Владимира Козина:

«Давай пожмем друг другу руки,
И в дальний путь на долгие года....»

Они танцевали, острили, пожимали друг другу ладони и никак не знали, что со многими расстанутся не на месяц, не на год и не "на долгие года", а до конца своих дней, навсегда...

Все для Сергея пело и смеялось:
Деревья, птицы, ширь, голубизна ...
И вдруг, как бомба, слово разорвалось.
Короткое и страшное:
"Война!"
А солнце также весело сияло,
Но тень тревог упала на людей,
С бульвара няньки повели детей,
старушка у ворот запричитала.

Потом мужчины с узелками шли,
Все стали вдруг подтянуты и строги.
Не мирные - военные дороги
На запад от столицы пролегли.
Вчера был горизонт широким,
Чистым,
Но враг пришел, топча поля, сады,
И в то же утро встали коммунисты
В железные военные ряды.
Кто следом шел в отряды
Добровольцев,
Кто понял всю нависшую беду?
Бойцы идут - их имя: комсомольцы.
- Сергей, ты с нами?
Ты идешь?
- Иду.
Все изменила грозная минута,
Все потекло по-новому теперь:
Так и не тронув двери института,
Сергей толкнул райкомовскую дверь.

(«Снова в строй»)

22 июня 1941 года над Москвой стоял солнечный, яркий рассвет.

Асадов возвращался из Подмосковья. В вагоне электрички было шумно и весело: как-никак впереди целый воскресный и очень хороший солнечный день! Люди громко переговаривались, шелестели заиндеветшими бумажками от эскимо, перелистывали свежие газеты и журналы.

Приехали на Ярославский вокзал. Двери вагонов раскрылись, и тут словно тревожный ветер пробежал по сердцам. Оживление пошло вниз.

Перед репродуктором плотная толпа молчаливых людей. На их лицах растерянность, на других - напряжение и суровость. Неторопливый, но взволнованный голос Молотова сообщил о вероломном нападении гитлеровской Германии на нашу страну.

Дома у Асадова лежало заявление в институт. И даже не одно, а два заявления. Дело в том, что с раннего детства его тянули к себе почти с одинаковой силой два прекрасных и удивительных мира: литература и театр. Чего в нем больше - поэта или

театрального режиссера? Этого Асадов до последней минуты так решить и не мог. А точнее, не успел. Все дальнейшее помогла определить сама жизнь. Началась война, и решать теперь уже надо было совсем иные проблемы. Асадов рвет оба заявления и пише третье - в райком комсомола с просьбой отправить его добровольцем на фронт.

А утром следующего дня мама Лидия Ивановна провожала сына с небольшим рюкзачком на плечах к райкомовскому грузовичку, где Асадова ожидала группа таких же безусых добровольцев, полных решимости сражаться с врагом до конца. Лидия Ивановна несла в руках букетик гвоздик, но так и забыла в волнении, прощаясь, протянуть их сыну. И до сих пор перед глазами Асадова стоит чуть ссутулившаяся от горя фигура матери с забытым букетом цветов в руке...

И если бы в то памятное утро, утро первого месяца войны, случилось чудо и какой-то пророческий голос вдруг сказал бы Эдуарду: «Смотри же внимательнее, смотри и запоминай этот пунцовый букетик гвоздик, и эту пестренькую косынку, и улыбку, и полные слез глаза, потому что видишь ты маму в последний раз... в последний раз в своей жизни», то он, еще не ведавший своей судьбы, наверное, был бы попросту поратовал по два-три слова на открытку маме, стараясь избежать тревожных слов. Когда уходило сознание, бредил.

Ты помнишь?

Стекля дребезжали

Тонко,

Кругом рвалось. Шофер к рулю приник.

Машина мчалась по сплошным воронкам,

По рытвинам, по ямам напрямик.

Когда упрямо голова пригнута.

Когда вся воля собрана в комок,

Сергей, о чем ты думал в ту минуту?

Что чувствовал и что предвидеть мог?

Зачем скрывать? стучало гулко сердце.

Но вот конец. Доставлен, цел товар!

Ты улыбнулся, ты откинул дверцу...

И вдруг слепящий, режущий удар...

Вдруг разлетелась на куски планета!

Ты не успел подумать:

"Почему?!"

Увидел только брызги, брызги света!

И повалился в бархатную тьму.
Здесь госпиталь. А тьма еще чернее...
- Где няня? - как он глухо говорит!
- Иди зови кого-нибудь скорее
Да свет зажги!
- Сынок, а свет горит ...

("Снова в строю")

Так Асадов узнал, что он ослеп. Теперь если жить - а жить он привык только полнокровно и горячо, - то начинать надо было все сначала, буквально с нуля, а начав, одолеть труднейшие рубежи и сделать все, что можно, и даже все, чего нельзя. Но помогла молодость и высокая духовная сила, а еще работа, работа, работа. Стихи между операциями, когда было все: сомнения и надежды, неудачи и радости, но самое главное - было упрямое желание победить!

Что было потом? Литературный институт имени А. М. Горького, куда Асадов поступил сразу же после госпиталя, в 1946-м, а в 1951-м получил диплом с отличием. Вообще, это был сильный курс. С Асадовым вместе учились Евгений Винокур, Владимир Тендряков, Владимир Солоухин, Юлия Друнина, Сергей Баруздин, Юрий Бондарев... А семинары вели Павел Антокольский, Евгений Долматовский, Владимир Луговской. Очень много было литературных встреч, они читали стихи и на сцене, и просто друг другу в коридоре. В том же, 1951 году вышла в свет первая книга Асадова "Светлые дороги", после которой он был принят в члены Союза писателей СССР.

А затем снова работа, встречи с читателями Москвы, Ленинграда, Киева, Баку, Тбилиси, Еревана, Омска, Новосибирска и десятка других городов, больших и малых. Все назвать тут попросту невозможно.

Конечно же, в творчестве не обойтись без поддержки близких людей, без семьи, но у Асадова семейные дела были сложные. Самым большим другом для Эдуарда Аркадьевича была его мама.

Пусть ты не сражалась на войне,
Но я могу сказать без колебания,
Что кровь детей, пролитая в огне,
Родителям с сынами наравне
Дает навеки воинское званье!
Ведь нам, в ту пору молодым бойцам,
Быть может, даже до конца не снилось,
Как трудно было из-за нас отцам
И что в сердцах у матерей творилось.

и лишь теперь, мне кажется, родная,
Когда мой сын по возрасту- солдат,
Я, как и ты десятки лет назад,
Все обостренным сердцем принимаю.
И хоть сегодня не одно окно
От дьявольских разрывов не трясется,
Но за детей тревога все равно
Во все века, наверно, остается.
И скажем прямо (Для чего лукавить?!)
Что в бедах и лишениях грозových
Сто крат нам легче было бы за них
Под все невзгоды головы подставить!
Да только не в труде, не на войне
Сыны в перестраховке не нуждались.
Когда б орлят носили на спине,
Они бы в кур, наверно, превращались
И я за то тебя благодарю,
Что ты меня сгибаться не учила,
Что с детских лет не тлею, а горю
И что тогда, в нелегкую зарю
Сама в поход меня благословила.
И долго-долго средь сплошного грома
Все виделось мне в дальнем далеке,
Как ты платком мне машешь у райкома,
До боли вдруг ссутулившись знакомо
С забытыми гвоздиками в руке.
Да, лишь когда я сам уже отец,
Я до конца, наверно, понимаю
Тот героизм родительских сердец,
Когда они под бури и свинец
Своих детей в дорогу провожают.
Но ты поверь, что в час беды и грома
Я сына у дверей не удержу,
Я сам ею с рассветом до райкома,
Как ты меня когда-то, провожу.
И знаю я: ни тяготы, ни войны
Не запугают парня моего.
Ему ты верь и будь всегда спокойна:
все, что светло горело в нас, достойно

горит сегодня в сердце у негя!
И пусть судьба, как лист календаря,
У каждого когда-то обрывается.

08 СЕНТЯБРЯ
90 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ РАСУЛА
ГАМЗАТОВИЧА ГАМЗАТОВА, СОВЕТСКОГО И
РОССИЙСКОГО ПОЭТА И ПУБЛИЦИСТА.
(1923-2003 ГГ.)

«НО МЫ ЖИВЕМ, ЧТОБЫ ОСТАВИТЬ СЛЕД...»
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВЕЧЕР

Оформление:

Портрет Р. Г. Гамзатова, даты жизни;

эпиграф: «Моя поэзия создает меня, и я создаю мою поэзию» (Р. Г. Гамзатов).

Понадобятся аудиозаписи песен:

«Исчезли солнечные дни» (муз. Р. Паулса, ел. Р. Гамзатова) в исполнении В. Леонтьева;

«Журавли» (муз. М. Блантера, сл. Р. Гамзатова).

А также - национальная аварская мелодия.

Действующие лица:

Ведущие 1 и 2

Поэт - Расул Гамзатов

Чтецы 1 – 3

ВЕДУЩИЙ 1: Поэзия Расула Гамзатова - дитя народной жизни Дагестана. Она вобрала в себя горские легенды, суровую при роду, распахнутый к небу Кавказ. Горы родины во всей их неповторимой красоте и величии навсегда вошли в поэзию Расула Гамзатова .

ВЕДУЩИЙ 2: Детство известного поэта началось в аварском ауле Цада Хунзахского района Дагестана. Это там, в Цада, охваченном кольцом высоких гор, сделал маленький Расул свои первые шаги. Здесь, таясь и робея, одиннадцатилетний Расул вывел крупные буквы своего первого стихотворения. Тут его колыбель, его первые неизгладимые впечатления бытия.

ПОЭТ:

Дверцы печки растворены, угли раздуты,
И кирпич закопчен, и огонь тускловат,
Но гляжу я на пламень, и кажется, будто
Это вовсе не угли, а звезды горят.
Звезды детства горят, звезды неба родного.
Я сижу у огня, и мерещится мне,
Будто сказка отца вдруг слышалась снова,
Песня матери снова звенит в тишине.
Полночь, Гаснет огонь. Затворяю я дверцу-
Нет ни дыма, ни пламени, нет никого.
Что ж осталось? Тепло, подступившее к сердцу,
Песня матери, сказка отца моего.

Р. Гамзатов. «У очага»

ВЕДУЩИЙ 1: Первым учителем и наставником Расула Гамзатова в поэтическом искусстве был его отец Гамзат Цадаса. В детстве Расул любил слушать отцовские рассказы. Народные легенды, сказки и песни на всю жизнь оставили свой след в сердце поэта, стали для него вещими страницами большой истории его маленького народа. Гамзат Цадаса читал сыну свои стихи с малых лет Расул знал их все наизусть.

ВЕДУЩИЙ 2: Когда Расул учился в седьмом классе, в аварской газете «Большевик гор» было опубликовано его стихотворение, о котором тут же в немногих строках отозвался с похвалой известный аварский писатель Раджаб Динмагомаев. Потом его стихи стали постоянно появляться и в Хунзахской районной газете, и в газете города Буйнакска, и в республиканском «Большевики гор». Он подписывал их псевдонимом отца - Цадаса. Однажды горец, который не знал, что Расул пишет стихи, сказал ему: «Послушай-ка, что случилось с твоим уважаемым отцом? Раньше, прочитав его стихи один только раз, я запоминал их сразу наизусть, а теперь даже понять не могу!» Тогда Расул решил сделать имя отца своей фамилией и стал подписываться так: Расул Гамзатов.

ВЕДУЩИЙ 1: В 1940 году, окончив Аварское педагогическое училище в городе Буйнакске, Расул Гамзатов вернулся в родную школу - но уже учителем (теперь она

носит имя Гамзата Цадасы). Потом он работал помощником режиссера Аварского государственного театра, заведующим отделом и собственным корреспондентом газеты «Большевик гор», редактором аварских передач Дагестанского радио комитета.

ВЕДУЩИЙ 2: В разгар Великой Отечественной войны, в 1943 году, Расул Гамзатов написал юношески пылкое стихотворение. Рукой еще неопытной, трепетно-робкой обозначил он черты своего автопортрета.

ПОЭТ:

Говорят, что посмертно
Тела наши станут землею.
Я поверить готов
В мудреную эту молву.
Пусть я стану частицей
Земли, отвоеванной с бою,
Той земли, на которой
Сейчас я всем сердцем живу.

Р. Гамзатов «Говорят, что посмертно...»

ВЕДУЩИЙ 1: Первый сборник стихов Расула Гамзатова «Горячая любовь и жгучая ненависть» вышел на аварском языке в 1943 году.

ВЕДУЩИЙ 2: Однажды Расул Гамзатов прочел несколько своих стихотворений, уже переведенных на русский язык, известному лакскому поэту Эффенди Капиеву, и тот посоветовал ему поехать учиться в Москву. Через два года после этого разговора, держа под мышкой несколько собственных книг, поэму «Дети Краснодона», переведенную на русский язык Ильей Сельвинским, он отправился в столицу - поступать в Литературный институт имени М. Горького. Директор института Ф. В. Гладков, прочитав его стихи, хотя и видел, что Гамзатов плохо владеет русским языком, а написанный им диктант был пестрым от карандашных поправок, все же написал его фамилию среди принятых. Москва, Литературный институт открыли Гамзатову доселе неведомые тайны поэзии. Горячее время студенчества, лекции, литературные вечера, жаркие споры о С. А. Есенине и В. В. Маяковском, о проблеме новаторства и принципах стихосложения.

ВЕДУЩИЙ 1: Литературный институт Расул Гамзатов окончил в 1950 году. По его собственным словам, здесь, в Москве, он научился держать в руке перо, сидеть склонившись над белой бумагой, любить и ценить святое чувство недовольства собой.

ПОЭТ: «Если к прекрасной аварской поэзии я прибавил хотя бы три камушка, если в моих стихах есть столько огня, что его хватит для того, чтобы прикурить три папиросы, то всем этим обязан Москве, русской литературе, моим друзьям и учителям.

ВЕДУЩИЙ 2: В 1947 году вышла первая книга стихов Расула Гамзатова на русском языке. Первые стихи принесли поэту известность. Они полюбились читателям за человеческую мудрость и безыскусственную простоту.

ВЕДУЩИЙ 1: Свежесть восприятия жизни, умение сердечно и выразительно рисовать людей и природу родного края отличают поэзию Гамзатова.

ПОЭТ: «Поэзия без родной земли, без родной почвы – это птица без гнезда».

ВЕДУЩИЙ 1: Расул Гамзатов всегда писал естественно и человечно, горячо и страстно, самобытно и вдохновенно, жизнеутверждающе и многолико, дерзко обличительно, смело и гневно.

ВЕДУЩИЙ 2: Поэзия Расула Гамзатова выросла на национальной почве. Писатель В. Огнев в своей книге, посвященной поэту, писал...

ЧТЕЦ 1: «Национальная жизнь остается той же богатой и плодородной почвой, на которой вырастают образы и темы поэта Гамзатова...»

ВЕДУЩИЙ 1: Сам поэт в книге «Мой Дагестан» так пишет...

ПОЭТ: «Дагестан – моя любовь и моя клятва, моя мольба и моя молитва. Ты один – главная тема всех моих книг, всей моей жизни... Для меня есть один Дагестан, который прожил тысячелетие. Его прошлое, настоящее и будущее слились для меня воедино».

(Тихо звучит национальная аварская мелодия.)

ЧТЕЦ 2:

Звезды ночи, звезды ночи

В мой заглядывают стих,

Словно очи, словно очи

Тех, кого уж нет в живых.

Слышу, с временем не ссорясь,

В час полночной тишины:

- Будь как совесть, будь как совесть

Не вернувшихся с войны!

Горец, верный Дагестану,

Я избрал нелегкий путь.

Может стану, может стану

Сам звездой когда-нибудь.

Поземному беспокоясь,

Загляну я в чей-то стих,

Словно совесть, словно совесть
Современников моих.

Р. Гамзатов. Звезды

ЧТЕЦ 3:

Когда я, объездивший множество стран,
Усталый с дороги домой воротился,
Склонясь надо мною, спросил Дагестан:
«На край ли далекий тебе полюбился?»
На гору взошел я и с той стороны
Всей грудью вздохнув, Дагестану ответил:
«Немало краев повидал я, но ты
По-прежнему самый любимый на свете...»
Веками учил ты и всех и меня
Трудиться и жить не шумливо, но смело,
Учил ты, что слово дороже коня,
А горцы коней не седлают без дела.
И все же, вернувшись к тебе из чужих,
Далеких столиц, и болтливых, и лживых,
Мне трудно молчать, слыша голос твоих
Поющих потоков и гор горделивых.

Р. Гамзатов. «Мой Дагестан»

ЧТЕЦ 1:

Здесь у нас такие горы синие
И такие золотые нивы!
Если б все края их цвет восприняли,
Стала бы земля еще красивей.
Есть обычаи новые и дедовы
у людей земли моей весенней.
Если б мир обычьям этим следовал,
Стал бы он гораздо совершенней.
Р. Гамзатов
«Здесь у нас такие юры синие...»

ВЕДУЩИЙ 2: Поэт Роберт Рождественский так сказал о Расуле Гамзатове...

ЧТЕЦ 2: «Поэт он огромный, сделавший знаменитым и Дагестан, и аварский язык, и свои горы. Сердце его мудрое, щедрое, живое. Я видел его во многих выступлениях, где он оставался гражданином, мудрецом, шутником. С врагами он сражался без жалости, бил их мудростью. Поэт он не только дагестанский, но и русский поэт. Его всегда называют в числе любимых поэтов».

ВЕДУЩИЙ 1: Поэтому миллионы людей ощущают себя гражданами удивительного и неповторимого мира поэзии и прозы Расула Гамзатова.

ВЕДУЩИЙ 2: Среди стихотворений Расула Гамзатова есть такие, которые проникнуты чувством глубокой и преданной любви. Любовная лирика Расула Гамзатова близка современному читателю своей гуманностью, благородством, чистотой помысла. Она трогает лучшие струны сердца.

ЧТЕЦ 3:

- Скажи, каким огнем был рад
Гореть ты в молодости, брат?

ЧТЕЦ 1:

- Любовью к женщине!

ЧТЕЦ 3:

- Каким, не избежав потерь,
Горишь огнем ты и теперь?

ЧТЕЦ 1:

- Любовью к женщине!

ЧТЕЦ 3:

- Каким, ответь, желаешь впредь
Огнем пожизненно гореть?

ЧТЕЦ 1:

- Любовью к женщине!

ЧТЕЦ 3:

- Чем дорожишь ты во сто крат
Превыше славы и наград?

ЧТЕЦ 1:

- Любовью к женщине!

ЧТЕЦ 3:

- Чем был низвергнут, как поток,

И вознесен ты, как клинок?

ЧТЕЦ 1:

- Любовью к женщине!

Р. Гамзатов "Скажи, каким огнем был рад ... »

ВЕДУЩИЙ 1: Любовь для лирического героя Гамзатова не серия мимолетных удач и неудач, взлетов и срывов, а неутомимое состояние души. Любовь - основа мировосприятия; она приравнивается к бытию - просветленному и возвышенному.

ПОЭТ:

Любви заслуг не перечесть,

Давай все земную честь

С тобой протянем руки

К друг другу возле звезд,

Над бездною разлуки

Построим в небе мост.

Давай любви почтим чутье,

И пусть предскажут в честь нее

Влюбленным гороскопы

Над каждой стороной,

Что будут век их тропы

Сходиться под луной.

Сойдется пусть тропа с тропой,

Давай мы в честь любви с тобой

И в наши будем лета

Достойны молодых,

Ромео и Джульетта

Не раз воскреснут в них.

Где рвется к берегу прибой,

Давай мы в честь любви с тобой

Такой раздуем пламень

Под облаком ночным,

Что воском станет камень,

А дикий барс - ручным.

Р. Гамзатов "Любви заслуг не перечесть...»

ЧТЕЦ 2:

Когда покинет мир любой из нас,
Не стает лед на каменистой круче.
Но без тебя сверкающий алмаз
Вершины снежной сплошь закроют тучи.
Пучину не волнует наша участь.
Ей дела нет до каждого из нас.
Но без тебя затянется тот час
Песком и тиной Каспий мой могучий.
Приходим в жизнь или уходим в вечность,
Не вспыхнет и не скатится звезда.
И как до нас, то грустно, то беспечно,
Споют и после. Только и тогда,
Коль будет песнь не о любви пропета,
Ее сочтут причудою поэта.

Р. Гамзатов «Когда покинет мир любой из нас...»

ЧТЕЦ 3:

Я силу сумею в себе отыскать
И вынести скорбь расставанья,
Тропинку средь скал мне проложит тоска,
Любовь - сократит расстоянья.
Пусть кружит пурга над горами снега,
В логах непогода клубится,
Я знаю: весна, как зима ни долга,
На наши луга возвратится.
Но если в дому засквозит холодок
И дрожь проберет на мгновенье,
Разверзнется смертная бездна у ног,
И нет ни дорог, ни спасенья.

Р. Гамзатов «Я силу сумею в себе отыскать...»

(Звучит аудиозапись песни «Исчезли солнечные дни» (муз. Р. Паулса, сл. Р. Гамзатова) в исполнении В. Леонтьева.)

ВЕДУЩИЙ 2: Диапазон философской лирики Расула Гамзатова достаточно широк. Его человек современности, человек сегодняшнего миропонимания решает сиюминутные проблемы в единстве с вопросами широчайшими, всеохватывающими. Острой, жгучей и вызывающей рой вопросов является в творчестве Гамзатова проблема времени.

ВЕДУЩИЙ 1: Напряженно размышляет Гамзатов о времени, о его творящей и мертвящей власти, о его скоротечности... Время?.. Что это такое? Чем оно для нас является - врагом или другом? Как его понять? Можно ли примириться. С этим ускользящим от нас и забирающим нас с собой фантомом? Эти вопросы ставятся не отвлеченно, они возникают вместе с цветущим и увядающим деревом, вместе с рождающимся и стареющим человеком, применительно к опыту лирического героя Гамзатова.

ЧТЕЦ 1:

Утекает детство, как вода,
Утекает детство, но в наследство
Остается людям песня детства,
Память остается навсегда.
Утекает юность, как река,
То, что утекает, не вернется,
От нее лишь подвиг остается,
Память остается на века.

Р. Гамзатов «Утекает детство, как вода...»

ЧТЕЦ 2:

< ... >

Мы все умрем, людей бессмертных нет,
И это все известно и не ново.
Но мы живем, чтобы оставить след:
Дом иль тропинку, дерево иль слово,
Не все пересыхают ручейки,
Не все напевы время уничтожит,
И ручейки умножат мощь реки,
И нашу славу песня приумножит.

< ... >

Р. Гамзатов «Утекает детство, как вода ... »

ЧТЕЦ 3:

< ... >

Вновь часы пробили на стене,
Час ушедший не вернется, нет его!
До него, быть может, дальше мне,
Чем до часа моего последнего,
Улетевший воздух не возвратит,
Он растаял, растворился, нет его!
До него мне дальше, может быть,
Чем до вздоха моего последнего.

< ... >

Р. Гамзатов «Утекает детство, как вода...»

ЧТЕЦ 1:

< ... >

Ты перед нами, время, не гордись,
Считая всех людей своею тенью.
Немало среди людей таких, чья жизнь
Сама источник твоего свеченья.
Будь благодарно озарявшим нас
Мыслителям, героям и поэтам.
Светилось ты и светишься сейчас
Не собственным, а их великим светом.

Р Гамзатов "Утекает детство, как вода...»

ВЕДУЩИЙ 2: Когда Гамзатова однажды спросили: «Что значит быть и постоянно чувствовать себя поэтом?» - он ответил...

ПОЭТ: «Очень просто, - это значит никогда не чувствовать себя поэтом... Отделить человека от поэзии невозможно. Моя поэзия создает меня, и я создаю мою поэзию. Без нее мы мертвы, - больше того, нас просто нет... Моя душа скрыта глубже и надежнее, чем мои ребра, мой позвоночник, мои легкие. Но лучи поэзии просвечивают, и каждое движение моей души становится доступным для людей. Душа моя как на ладони, открытая и прозрачная, просвеченная волшебными лучами поэзии, и люди видят меня насквозь».

ВЕДУЩИЙ 1: О своем предназначении художника, о тесной связи впечатлений действительности с поэтическими результатами, о сфере своей работы - об искусстве - Расул Гамзатов размышлял постоянно.

ПОЭТ: «До биения последнего людям посвящается сердце мое».

ВЕДУЩИЙ 2: И главный завет Расула Гамзатова, первая и последняя клятва, - всегда оставаться самим собой, не отступаясь от этого принципа ни на шаг.

ПОЭТ:

Поешь хвалу, бросаешь ли проклятья,
В стихах, как в жизни, будь самим собой,
Не забывай, что свадебное платье
И белый саван шьют одной иглой.
Пиши о счастье, так пиши, чтоб горе
Сторонкой сердце вдруг не обошло.
Рождают реку, что питает море,
Холодный снег и вешнее тепло.
Воспой любовь, воспой строкой крылатой,
Но только, друг мой, помни наперед,
Что в сердце настоящего солдата
С любовью рядом ненависть живет.

Р. Гамзатов «Поешь хвалу, бросаешь ли проклятья...»

ВЕДУЩИЙ 1: Стихи и поэмы Расула Гамзатова переводили на русский язык такие мастера пера, как И. Л. Сельвинский и С. М. Городецкий, С. И. Липкин и Ю. М. Нейман. Особенно плодотворно работали с ним его друзья-поэты: Н. И. Гребнев, Я. А. Козловский, Р. И. Рождественский, А. А. Вознесенский, Ю. П. Мориц и другие. А сам Расул Гамзатович перевел на аварский язык стихи и поэмы А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, Т. Г. Шевченко, А. А. Блока, В. В. Маяковского, С. А. Есенина, стихи поэтов Пушкинской плеяды, арабского поэта Абдула Азиза Ходжи. А. С. Пушкин для Расула Гамзатова был «Петром Первым русской поэзии - смелым и могучим преобразователем». Он блестяще, со свойственным ему колоритом перевел на аварский язык многие стихи и поэмы Пушкина. По инициативе Расула Гамзатова и при его активном участии произведения А. С. Пушкина были переведены на многие дагестанские языки. Ежегодно 6 июня - в день рождения Пушкина - в Республике Дагестан проходит Пушкинский день поэзии у его памятника в Махачкале, а также в других городах и районах республики, где звучат стихи великого русского поэта на всех языках народов Дагестана.

ВЕДУЩИЙ 2: Многие стихи Расула Гамзатова стали песнями. Фирма «Мелодия» неоднократно выпускала пластинки и диски с песнями на стихи поэта. Тесно работали с Гамзатовым такие известные композиторы, как Д. Б. Кабалевский, А. Г. Экимян, М. И. Блантер, Я. А. Френкель, Р. В. Паулс, А. Н. Пахмутова, Ю. М. Антонов и многие другие. *(Звучит аудиозапись песни «Журавли» (муз. М. Блантера, сл. Р. Гамзатова).)*

ВЕДУЩИЙ 1: Все нам известно стихотворение Расула Гамзатова «Журавли», ставшее песней-реквиемом по всем погибшим в войнах.

Находясь в Японии, Расул Гамзатов увидел известный памятник белым журавлям в Хиросиме. Ему рассказали и историю о девочке, ставшей жертвой последствий ядерной бомбардировки и так и не успевшей вырезать из бумаги тысячу журавликов. Поэт был потрясен этой смертью. Здесь же, в Японии, он получил телеграмму, в которой сообщалось о кончине его матери. Гамзатов вылетел в Москву и в самолете, думая о матери, вспомнил и умершего отца, и погибших на войне братьев. И та хиросимская девочка с бумажными журавликами не уходила из памяти. Вот так и родилось стихотворение, которое начиналось этими строчками:

Мне кажется порою, что джигиты,
С кровавых не пришедшие полей,
В могилах братских не были зарыты,
А превратились в белых журавлей...

Стихотворение увидел в журнале «Новый мир» Марк Бернес. Переработав его при посредстве автора и переводчика Наума Гребнева, Бернес прочитал его Яну Френкелю и попросил его написать музыку... Так появилась песня. Она зажила своей полнокровной жизнью и обрела мировую популярность. Ян Френкель и Расул Гамзатов стали близкими друзьями на всю жизнь, и много раз после этого Френкель ездил в Дагестан, бывал в Махачкале и в горных аулах, и всякий раз его встречали там как доброго и желанного гостя.

ВЕДУЩИЙ 2: Исполнителями песен, написанных на стихи Расула Гамзатова, стали известные певцы и артисты: Анна Герман, Галина Вишневская, Муслим Магомаев, Иосиф Кобзон, Валерий Леонтьев, Сергей Захаров, София Ротару, Вахтанг Кикабидзе и другие.

ВЕДУЩИЙ 1: Поэзия Расула Гамзатова носит жизнеутверждающий характер. Она полна оптимизма. Прекрасные начала жизни побеждают мрак и неизбежность смерти.

ЧТЕЦ 2:

Моей земли не умирают люди,
Пусть даже бой, -
Я наш закон пою:
Родится мальчик, и носить он будет
Живое имя павшего в бою.

И если дом испепелен пожаром,
Мы строим новый,
Заходи к нам, друг!
Так дуб столетний не бывает старым -
Шумит ветвями поросль вокруг.

Р. Гамзатов «Моей земли не умирают люди...»

ЧТЕЦ 3:

Дорогая моя, мне в дорогу пора,
Я с собою добра не беру.
Оставляю весенние эти ветра,
Щебетание птиц поутру.

< ... >

Я тебе оставляю и дождь и жару,
Журавлей, небосвод голубой...
Я и так очень много с собою беру:
Я любовь забираю с собой.

Р. Гамзатов. Мне в дорогу пора

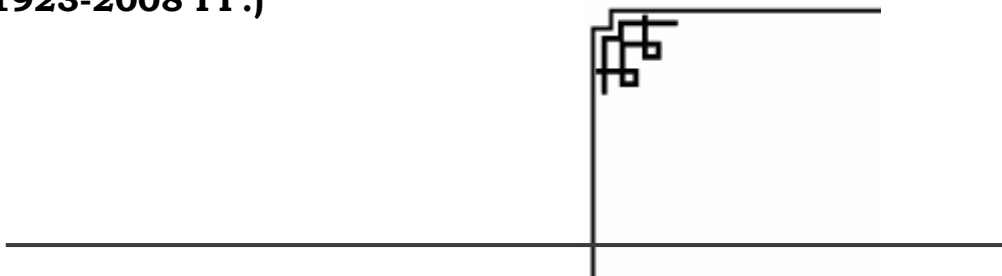
ВЕДУЩИЙ 1: Выдающийся аварский поэт Расул Гамзатов ушел из жизни, когда ему было 80 лет. Ушел из жизни большой поэт с открытым и добрым сердцем, но остались его стихи, которые учат нас мудрости и человечности.

Мощная творческая энергия поэта, заложенная в его стихах, светлая лиричность и глубокая мудрость его поэзии пленяют и очаровывают каждого, кто к ней прикасается.

15 СЕНТЯБРЯ -

**90 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ МИХАИЛА ИСАЕВИЧА ТАНИЧА,
СОВЕТСКОГО И РОССИЙСКОГО ПОЭТА - ПЕСЕННИКА.
(1923-2008 ГГ.)**

**«КАК НАМ СМИРИТЬСЯ, ЧТО УХОДЯТ ДАТЫ»
ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВЕЧЕР**

*Как нам смириться, что уходят даты,
Что время так стремительно идёт...
Рука всё пишет «семьдесят девятый»,
Хотя уже восьмидесятый год.
Николай Доризо*

Бескрайние ковыльные степи, широкие балки, глубокие овраги, лесостепи, курганы скифских царей... Уже 75 лет, как существует на карте Ростовская область – одна из самых южных земель бывшего Войска Донского. Земля, где очень долго сохранялся закон «С Дону выдачи нет!» Немало в летописи области славных героических страниц. А имена очень многих наших земляков известны далеко за её пределами. Среди прославивших эту землю – российские поэты, которые жили и трудились здесь. Вот одно из них Михаил Исаевич Танич.

Михаил Танич родился 15 сентября 1923 года в городе Таганроге. Отец поэта, Исайя Самуилович Танхилевич, выпускник одесского реального училища, в гражданскую гонялся за Махно. А в 19 лет уже замещал пост начальника мариупольской ЧК. А был Исайя Самуилович – сыном раввина! «Дед по отцу был набожным евреем-ортодоксом... Он постоянно молился. В семье любили рассказывать, что именно этого ортодокса Самуила выбрал (покидая Россию) хранителем своей библиотеки писатель Шолом-Алейхем. Которая, конечно же, не сохранилась.

Однажды на пороге чрезвычайки появилась симпатичная гимназистка – принесла передачу своему отцу Борису Траскунову, главбуху Мариупольского металлургического завода (обвинялся в буржуазной пропаганде).

Эта юная Борисовна очень понравилась юному Самуиловичу, и возможный тесть-бухгалтер был выпущен на свободу.

Но вот иметь зятя-чекиста тому не хотелось – как пишет в своих мемуарах поэт, «запахло классовый борьбой».

Однако стороны нашли выход из, казалось бы, неразрешимой ситуации: Исая пообещал Траскунову, что завяжет с ЧК и выучится на завхоза. В обмен на дочку.

Так и сделали. Это 1921 год, а в 23-м, 15 сентября, на свет появился Михаил. Окончив Петроградский институт, Исая Самуилович приступил к должности начальника управления коммунальным хозяйством Таганрога.

И город расцвёл! «Мой отец... был очень советским человеком. Энергичный от природы, он буквально пропадал на работе: строил электростанцию и первую трамвайную линию».

Новый начальник коммунхоза придумал поставить на улицах (получив предварительно разрешение Московского музея изобразительных искусств!) копии греческих скульптур.

И даже открыл мастерскую по их изготовлению
«Вы могли, прогуливаясь по городу, встретиться с «Дискоболом», посочувствовать «Мальчику, вынимающему занозу», и тому подобное.

Были разбиты газоны, город преобразился, стал чистым и красивым. По улицам разъезжали, как в Европе, тележки с овощами, булками, молочными продуктами. Словом, это был ренессанс Таганрога».

До наших дней скульптуры не дожили.

А вот городской трамвай – дожил.

А ещё чекист-хозяйственник обожал спорт, и маленький Миша уже в 5 лет получил заветный подарок – футбольный мяч. По тем временам – просто редкое сокровище!

«Для меня футбол был всем, и сладким гоголем-моголем, и сказками Арины Родионовны».

Забегая вперёд, скажем, что это футбололюбие однажды едва не закончилось катастрофой.

Немецкий городок Бернбург.

Май 45-го!

Адреналин требует выхода, и молодые красноармейцы-победители решают посостязаться с местными спортсменами-побеждёнными!

«В июне 1945 года мы с ребятами устроили в Германии футбольный матч с немцами. У нас ни бутсы, ни формы – ничего не было. А они – профессиональная команда, которая играла за рейх всю войну.

Мы, конечно, продули им первый матч, зато второй сыграли вничью 2 : 2. Причём, оба гола забил я!» - гордо рассказывал Михаил Исаевич.

Командование было в ярости: на ковёр, горе-футболисты! Кто зачинщик этого позора?!
Отвечать!

Но в тот раз Фортуна не отвернулась.

Миша представлял собой достаточно редкий вид подростка: интеллеktуал со спортивным уклоном. С одной стороны – футбол с утра до вечера. С другой – стихи.

Школа № 10. Словесность Мише преподавал Александр Николаевич Баландин, который лично знал Чехова. Эту же 10-ю школу оканчивали, кстати, будущие сверхзнаменитые дамы: Фаина Раневская и Елена Образцова.

А лечил маленького Мишу доктор Шамкович, другой знакомый Антона Павловича.

Но радужный мир стихов и футбола оказался недолгим. Подошли годы ежовщины. По ночам разъезжали чёрные «воронки». И за каждой дверью ждали ареста.

«Весь руководящий Таганрог уже сидел в подвальных камерах городского НКВД. Отец догадывался, что и о нём не забудут, и, как бы прощаясь со мной, подолгу водил меня по городу и рассказывал мне, опасаясь не успеть, об истории города и порта, и яхт-клуба, и чуть не каждого заметного дома.

Не успел.

Они пришли, как всегда, перед рассветом, чтобы застать врага врасплох и чтобы поменьше людей знало об их ночных подвигах. Их было пятеро. Понимаю, что среди них был и тот следователь в коверкотовом форменном пальто с пристегивающимся воротником, который потом въедет в нашу квартиру. Таков был закон времени.

Потом пришли за матерью. Осиротевшего Михаила забрал к себе в Ростов дед Борис.

Тогда на Сельмаше, в бараке,
В семнадцать неполных годков
Я спал после уличной драки,
Я спал – и не слышал гудков.

Мама провела в застенке около года. Выпустили, но... с ограничением в правах. И со справкой, что муж её получил 10 лет без права переписки.

Но юность – всё равно пора счастливая.

«К концу школы я написал уже довольно много стихов. На выпускном экзамене у нас было свободное сочинение на тему «Расставание со школой». Концовку я помню:

Пройдёт ещё с десяток лет;
Как этот детский май,
В моей душе умрёт поэт
И будет жить лентяй.

Насчёт поэта не угадал.

Война началась в тот самый день, когда Миша получил аттестат.

Планы – стать знаменитым футболистом и издать книжку стихов (неприменно в синей обложке и чтобы в библиотеке стояла рядом с Твардовским!) – пришлось отложить.

Семья перебралась в Грузию. Миша подал заявление в Тбилисское военное училище, «потому что в училище было тепло и давали горячую еду».

Вместо полагающихся 6 месяцев его продержали в училище целый год и выпустили не лейтенантом, а лишь старшим сержантом. Дало о себе знать пресловутое клеймо «сына врага народа».

С июня 44-го – он в действующей армии. Командир орудия.

Фрагмент Наградного листа к награждению орденом Красной звезды от 18 января 1945 года.

«В бою за Клауспуссен 12. 01. 45 г. орудие сержанта Танхилевича под сильным артиллерийским огнём противника уничтожило 2 пулемётные точки и 2 блиндажа. В оборонительных боях при Приэкуле 27. 12. 44 когда весь расчёт Танхилевича вражеским снарядом был выведен из строя, командир орудия Танхилевич несмотря на ранение и контузию не оставил орудия, покамест не была оказана помощь всем пострадавшим, уйдя от орудия последним...»

Сержант Танхилевич – это поэт Михаил Танич.

Прошёл путь от Белоруссии до Эльбы.

Контуженого – хоронили в братской могиле. Однополчанин вовремя увидел на щеке старшего сержанта дрогнувший нерв. Отправили в госпиталь. Михаил на три месяца стал слепым и глухим. Но с больничной койки артиллерист сбежал на фронт. Проблемы со зрением и слухом остались на всю жизнь.

9 мая встретил будущий советский поэт-песенник в немецком городке Цербсте

«О том, что закончилась война, нам сказали польские солдаты в конфедератках, и даже наступившая тишина и то, что не надо больше воевать, не сразу принесло ощущение счастья.

Ну не могли мы сразу осознать, что каким-то чудом остались живы! Но ведь остались. И каждый новый день без войны казался нереальным».

А тот же Бернбург, запомнился не только угрозой трибунала.

Очаровательная фройлейн. Эльфрида Лане.

О браке, речи, конечно, и не шло. Но в душу – запало.

Через сорок лет известный советский поэт-песенник побывал в ГДР. Хотел повидать давнюю любовь – специально привёз пластинку с песнями на свои стихи. Но Эльфрида, оказывается, осталась за Берлинской стеной.

Песня «Возьми меня с собой» (А. Мажуков – М. Танич, исп. Анна Вески)

Наконец – дома! Михаил Танхилевич решает стать архитектором и поступает в Ростовский инженерно-строительный институт.

Но проучился недолго.

Студент был «полон надежд и планов, просто здоровья, впереди – вся жизнь с её тысячей вариантов».

И не думал тогда – в эйфории Великой Победы – молодой поэт, что даже в дружеской компании нельзя упоминать, что немецкие радиоприёмники и автострады лучше наших. В дружеской компании тут же настроили донос.

И – этапом в Соликамск. Но Фортуна снова улыбнулась.

Художник Константин Павлович Ротов (очень знаменитый, упомянут в Британской энциклопедии, пер-вый иллюстратор «12 стульев», главный иллюстратор «Крокодила», ныне – зэк), тоже ростовчанин, взял несостоявшегося архитектора в редколлегию. Наглядной агитации в лагере уделялось немалое значение.

Выпустили же Михаила перед самой смертью Сталина. Но в день похорон он плакал.

А через много лет, в одном из интервью бросил: «Сначала злился, а потом понял: правильно меня посадили. Государство имеет право и должно себя защищать».

Освободили, но жить в больших городах запретили. А стихи его уже пошли в народ и зазвучали.

И тут поэт Танхилевич призадумался:

«Не поднимутся ли вихри враждебные по поводу этого слишком уж неблагозвучного под русскими стихами имени, и не лучше ли было бы звучать ему пусть и не так уж придуманно, а хотя бы покороче, например Михаил Танич?! А?

И зазвучало, представьте!

Литературная жизнь налаживалась. Чего нельзя было сказать о личной.

Супруга его с лесоповального периода не дождалась, «и я ушел от неё, имея при себе: подушечку-думку, вышитую крестиком, (25 на 25), книжку «12 стульев» (из мебели) и мельхиоровую чайную ложку. Да мне ничего больше, в общем, и не принадлежало в её доме».

Но спасали стихи и песни.

Песня «Налетели дожди» (Самоцветы)

Жил на Сахалине, работал монтажником. И, как-то, на 7 ноября, попал в общежитие молодых специалистов.

И там встретил свою – теперь уже единственную – любовь.

Песня «На тебе сошелся клином белый свет» (О. Фельцман – М. Танич, исп. Капитолина Азар)

«И одна девочка, была она тростиночкой, в голубом, очень даже столичном крепдешиновом платье с моднейшими переплетениями, взяла в руки семиструнную гитару и под крики: «Лида, спой «Осенние листья!»» – начала перебирать струны.

Она негромко, по-актёрски запела, и я её разглядел: девочке на вид было лет пятнадцать, еле заметная грудь, зелёные глаза и невиданной длины ресницы – как приклеенные. Ресницы «прикололи» ловеласа, как бабочку.

- А теперь, - сказала девочка, - я спою вам две песни нашего поэта Михаила Танича. Музыка, какую-никакую, я подобрала сама.

Она не знала, не могла знать, что это за незванный пришелец навестил их тем вечером, что этот вылупившийся на неё тридцатилетний старик и есть «наш» Михаил Танич, стихи которого частенько заполняли местную безгонорарную газету.

Эта девушка – самая большая моя награда за всё пережитое».

И ей я посвятил свои страдания.

Песня «Страдания» (Я.Френкель – М.Танич, исп. Андрей Миронов)

Вот не ладим с тобой по таким мелочам,
на такой надоедливой ноте.
То ли я от капризов твоих одичал,
то ли что-то мы путаем в счёте.

Арифметика эта от века сложна,
но прибавим живому живое,
и в уме, и на пальцах один плюс одна –
получается минимум двое...

Песня «Погода в доме» (исп. Лариса Долина)

Эта девушка – поэтесса Лидия Николаевна Козлова. Это на её слова написаны такие роскошные песни как, к примеру, «Айсберг» и «Снег кружится, летает и тает...»

В 1956 году Танич получает реабилитацию, и супруги отправляются в Москву. А первый успех пришёл, когда на стихи обратил внимание уже достаточно известный Ян Френкель.

Песенка «Текстильный городок». (Я.Френкель – М.Танич, исп. Раиса Неменова)

Через несколько дней после того, как прозвучала она в эфире, Танич, покупая сигареты, уловил в мурлыканье киоскерши что-то знакомое.

«Удар в самое сердце. Первая моя песня! Наклоняюсь к окошечку и этак, не без хвастовства, продавщице:

- Эту песенку, между прочим, написал я! - Прямо с этим зощенковским «между прочим» и говорю!

- Да? - Она посмотрела на меня, как на сумасшедшего. - Мордой не вышел!

И, представьте, не было обидно. Я получил за жизнь столько признательности, человеческой любви и благодарности, на троих бы хватило, но дороже этого «мордой не вышел», мне кажется, не было».

Вместе с Леоном Мерабовым написали песню «Робот», с которой дебютировала на радио совсем ещё юная Алла Пугачёва.

В союзе с Юрием Саульским родился шлягер «Чёрный кот» – своеобразная визитная карточка поэта Танича. (исп. Тамара Миансарова)

Песня эта – принятая слушателями на ура – снова, как водится, вызвала резкое недовольство критики. Сначала предали анафеме по телевидению.

Потом в Израиле написали, что песня рассказывает о гонениях на евреев в Советском Союзе.

Заведующая красноярским Домом офицеров предположила, что песня посвящена проблемам в сельском хозяйстве.

Но, в общем-то, Михаил Танич считает себя любимцем Фортуны: «Я выжил, несмотря на два инфаркта, мои песни поют по всей стране. Дожил я и до таких изменений в стране, о которых и не мечтал. В будущее я смотрю с оптимизмом».

Песня «Комарово» (исп. Игорь Скляр)

Но современное песенное ремесло не признаёт:

«Сейчас расплодилось многотысячное войско новых артистов и, чаще всего, авторов. Их песни кажутся мне каким-то кошмаром, бредом, набором слов.

В последние годы Михаил Танич сочинял для группы «Лесоповал», которую сам же и организовал. Этот проект родился в начале 90-х. Журналисты сразу окрестили его «блатняком».

Поэт это отвергает: «Песни для группы написаны на образ Приёмыхова в фильме «Холодное лето 53-го года. Я не пытался исследовать воровскую душу – я пытался исследовать душу человеческую, найти в ней не воровское, а человеческое...

«Лесоповал» поёт не о том, что хорошо воровать, а о том, как плохо людям из криминального мира. Среди них я не видел счастливых людей. Они все – несчастные!».

А о лагерях у него есть и положительные воспоминания: «Воры, которых я знал, не были беспредельщиками. Они подчинялись воровскому закону. Сами боролись и с бандитизмом, и с хулиганством. Сами следили за порядком на зоне».

Песня «Я куплю тебе дом» (исп. Лесоповал)

Михаил Исаевич Танич – лауреат премии МВД России; почти всех фестивалей «Песня года»; лауреат Юбилейного конкурса «Песня года», посвященного 25-летию передачи; лауреат Национальной музыкальной премии «Овация», Член Союза

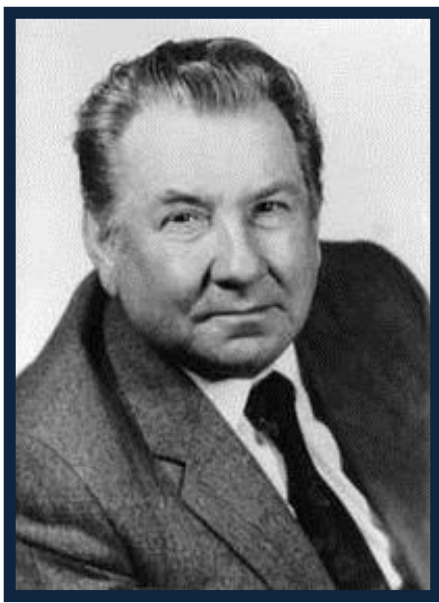
писателей, Народный артист России, Почётный гражданин города Таганрога, Почётный профессор Ростовского государственного строительного университета. Поэт Михаил Танич прожил долгую и очень интересную жизнь. Оборвалась она 17 апреля 2008 года.

«Айседора»,
«Аты-баты»,
«Идёт солдат по городу...»,
«Комарово»,
«Налетели вдруг дожди...»,
«Погода в доме»,
«Чёрный кот»,
«Я куплю тебе дом...»
«На дальней станции сойду...»

(В. Шаинский – М. Танич, исп. Геннадий Белов)

Мы всегда будем петь эти необыкновенные песни. А если забудем какую строчку – не проблема: можно взять томик стихов и заглянуть. На библиотечной полке он стоит рядом с Твардовским.

Составитель - Е.И. Соколова

22 ОКТЯБРЯ

**90 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ НИКОЛАЯ КОНСТАНТИНОВИЧА
ДОРИЗО, СОВЕТСКОГО И РОССИЙСКОГО ПОЭТА
(1923-2011 ГГ.)**

*«Солнечная поэзия юности»
«Давно не бывал я в Донбассе»,
«На тот большак, на перекрёсток...»,
«Огней так много золотых...»,
«От людей на деревне не спрятаться»,
«Почему ж ты мне не встретилась...»,
«Спешит на свидание бабушка...»
(песня Матвея)*

Ох, какие песни!

Чаще всего и знают их именно так – по первой строчке. Не по официальному названию.

Николай Константинович Доризо родился 22 октября 1923 года в Краснодаре.

Хотя в графе «Место рождения» в моём паспорте написано «Краснодар», я рос в Екатерине даре: славные традиции казачьей столицы напрямую вплетены в историю нашей семьи, стали частью меня с раннего детства...

Мои родители были талантливыми, интересными и умными людьми. Папа – уроженец Греции. Он принадлежал к знатному греческому роду, в своё время поддержал революцию, а перебравшись совместно с родителями в Россию, работал адвокатом.

Мама, кубанская казачка, закончила консерваторию по классу фортепиано... Она записывала мои первые стихотворные опыты в тетрадку, которая хранится у меня до сих пор.

Мама... знакомила со старожилками-соседками, заставшими расцвет Екатеринодара.

Ещё у меня была изумительная бабушка, Мария Назаровна. Именно она заразила меня любовью к поэзии, песне, народному слову».

Рос будущий поэт в кубанской станице Павловской.

«В Павловском районе на Кубани, где прошло моё детство, существует добрый обычай: каждому новорождённому вручается бронзовая медаль со строкой напутствия – «Расти достойным гражданином СССР». Я испытал подлинное волнение, когда совсем недавно меня удостоили этой медали».

«Моё отрочество можно было бы назвать счастливым, если бы в 1938 году не арестовали отца. Маме сказали, что ему дали 10 лет без права переписки, а на самом деле его расстреляли».

Вот так. 38-й стал для парня годом первой публикации, первого ощущения себя поэтом. И годом первого настоящего горя.

«По стране ходила фраза: «Сын за отца не отвечает».

И вот, как ни странно: меня приняли в комсомол, более того, избрали секретарём комсомольской организации школы. Я до сих пор благодарен учителям, одноклассникам, соседям, которые прекрасно ко мне относились и никогда не намекали на то, что мой отец арестован».

Николай окончил школу в Ростове-на-Дону в трагическом 1941 году. И сразу попал на фронт.

И на фронте продолжал писать стихи, а также работал литературным сотрудником в военном издательстве и в редакции окружной газеты «Слово бойца».

Прошёл Черноморское побережье. Сюжет песни «Мы Керчь покидали с боями» основан на реальных событиях.

«В 1942 году на фронте (ещё ни отцом, ни поэтом) я написал стихотворение «Дочурка», к которому сочинила музыку Роза Гольдина. И буквально через несколько дней эта песня стала известна всему фронту!

(Песня «Дочурка»)

В конце войны на ростовском рынке я увидел безногого инвалида в потёртой шинели, который торговал кукурузными лепёшками и текстами «Дочурки», отпечатанными на папиросной бумаге.

И стихи, и лепёшка стоили 10 рублей. Люди покупали и то, и другое. Значит, моё стихотворение было необходимо им так же, как хлеб...»

Вернувшись с войны, Николай поступил в Ростовский университет.

В 48-м в Ростове выходит первый стихотворный сборник «На родных берегах». Это военные впечатления автора. Сам Николай Константинович говорил, что война стала для него, как для литератора, настоящей школой.

В это же время происходит ещё одно знаменательное событие в жизни поэта – Доризо принимают в Союз писателей СССР. Он проходит там обучение на Высших литературных курсах.

Успешно публикуется.

Избирается секретарём Правления Союза писателей России.

А потом в творчестве наступает почти 10-летняя пауза.

В 69-м, в разгар набирающего силу «застоя», Доризо написал повесть «Измена» – о любви русской женщины и немецкого офицера, намного опередив «неформальную» нравственную ситуацию бондаревского «Берега».

Он поплатился за этот сюжет очень резкими отзывами критики.

Досталось, как и ранее, одной из самых популярных песен «А я люблю женатого...»

Позднее он с юмором рассказывал об этой «аморальщине».

«Мне очень повезло – я написал песни к замечательным фильмам: «Дело было в Пенькове», «Разные судьбы», «Простая история»... Кинофильмов, в которых звучат мои песни, около сорока.

У каждой моей песни, как у человека, своя судьба.

Когда я написал стихи «А я люблю женатого», ни один из именитых композиторов не решался положить их на музыку. «Да ты что, - говорили они, - никто не разрешит её исполнять...»

В почёте были произведения не о любви, а о трудовых подвигах. А тут не просто любовная лирика, а чуть ли не аморалка!

И когда Константин Симонов с присущей ему смелостью напечатал эти стихи в «Литературной газете», то они вызвали шквал писем. «Чему нас учат? К чему призывают? Мыслимо ли, чтобы наша советская женщина любила женатого человека?»

Но, несмотря на такой отпор, песня пробилась к людям, стала любимой.

Однажды, когда съёмки фильма «Дело было в Пенькове», к которому я написал песню «От людей на деревне не спрятаться...», уже закончились, я проснулся около пяти часов утра, как будто кто-то толкнул меня в бок.

«Огней так много золотых...» как умышленно написана для фильма!»

В тот же день я встретился с композитором Кириллом Молчановым. Он прежде повозмутился, мол, поздно вато пришёл, а после сел за фортепиано и тут же заиграл

мелодию. Мы оба были в восторге и в таком состоянии поехали на киностудию им. Горького, показывать песню режиссёру Станиславу Ростоцкому. Выслушав нас, Ростоцкий сказал, что песня, конечно, хорошая, но съёмки завершены и фильм ему уже не принадлежит.

А вечером раздался звонок директора киностудии: «Что вы за песню написали? Вся комната её поёт. Хотя бы мне напели». Уговаривать нас с Кириллом не пришлось. Причём, мы даже не успели допеть, как директор, прервав нас, воскликнул: «Волей, данной мне Богом и ЦК, переношу сроки сдачи фильма!»

Специально для этой песни был доснят сюжет. Так она, будто человек, вскочивший на ходу в уходящий трамвай, попала в кинофильм».

(Песня «Огней так много золотых...»)

Прошло полвека. Эта песня
Сегодня встретилась со мной.
Она со школьниками вместе
Шла мимо улицей ночной.

Шагала с выпускного бала,
Меня задев слегка плечом,
В лицо взглянула – не узнала,
Как будто ей я не знаком...

Хотелось крикнуть:
- Что ж ты, что же?
Остановись!.. Ведь ты моя!
...Но, как любой другой прохожий,
Ей уступил дорогу я.

Песни Доризо, как правило, сюжетны, построены по законам драматургической миниатюры – с конфликтами, со столкновением характеров.

«Заметили, что сейчас в песнях слова-то не нужны? «Я хочу тебя, хочешь ты меня?» – вот и вся песня. Мне же в песне нужен сюжет, самая настоящая пьеса».

Да, практически, все песни на стихи Николая Доризо представляют собой маленькие спектакли – с виду простые, но понятные каждому. Недаром их считают народными. Они о вечном, о том, что всегда будет волновать сердца.

Подхватывали все – и неслась песня на простор.

Особый это дар – так творить.

(Песня «Опавшие листья» в исполнении Гелены Великановой)

И вот «Опавшие листья» в исполнении Гелены Великановой уже помнят не многие.

Это песня из комедии с Марчелло Мастоияни «Париж всегда Париж». Французский текст Жака Превера на русский язык перевёл поэт Николай Доризо.

Певица Гелена Великанова тогда была женой поэта Николая Доризо.

Сохранилось свидетельство-отзыв Гелены Марцелиевны о любви к Николаю: «Это чувство умрёт вместе со мной».

В этом браке родилась дочь Елена. Но брак распался.

(Песня «Взрослые дочери»)

Вторая супруга – тоже певица.

«Много лет назад я встретил прекрасную женщину.

- Приятели тогда предупредили: «Оставь всякие надежды – это же прима Театра оперетты Верочка Вольская! Муж-красавец!»

Я отступил. В самом деле? Кто я? Нищий студент Литинститута. А тут к её ногам люди готовы целые состояния бросить».

У каждой ревности, ей-богу, есть причина,

И есть один неписанный закон:

Когда не верит женщине мужчина,

Не верит он не ей – в себя не верит он.

«Но, видимо, чему быть, того не миновать. Прошло более двадцати лет. Я успел обзавестись машиной, дачей, квартирой. И вот как-то возвращаюсь из издательства со своей новой книжкой. Вижу – стоит Верочка у ресторана «Прага» с тортом в руке.

А я на машине со своим шофёром – вёз из издательства только что изданную книжку. Остановился. Подошёл. Книжку подарил. С тем и расстались. Потом

встретились с нею в гостях. Я набрался смелости и пригласил её в Дом кино. И, удивительное дело, она согласилась. Там я готов был скупить для неё весь ресторан.

А что касается предложения, то его сделал не я, а Верочка. Я её постоянно приглашал то в театр, то в ресторан, и однажды она мне сказала: «Коля, у меня нет времени. Лучше женитесь на мне...».

А я ей знаете что ответил? Нет, я жениться на Вас не могу. Я уже давно на Вас женат...»

Они прожили вместе больше сорока лет, сохраняя любовь, про которую написано столько хороших песен. На стихи Николая Доризо.

...Одну я понял истину
всем существом глубинным:
как трудно быть единственным,
и как легко любимым!

(Песня о любви – На тот большак на перекресток...)

Но Доризо на песенном жанре не останавливается.

Он пишет о произведениях русской классики, предлагая, например, своё прочтение комедии Александра Сергеевича Грибоедова «Горе от ума» и свою трактовку образа Софьи.

В сюжетах его статей, рецензий, выступлений – Александр Островский, Владимир Маяковский, Виталий Закруткин, Юрий Бондарев, Сергей Островой, Алексей Фатьянов, Елена Булгакова, писатели Северного Кавказа и национальных республик Нечерноземья.

В середине 80-х появляется книга «России первая любовь: Мой Пушкин».

Доризо с детства остро ощутил неразрывную связь красоты природы и поэзии, которую открыл ему первый поэт России. Через всю творческую его жизнь пройдёт пушкинская тема, воплотившаяся в различных жанрах.

Возможно, это главный труд Николая Константиновича. Но книга вышла в разгар перестройки и осталась, как-то, не очень замеченной.

Наталья Гончарова – жена и друг поэта.

Доризо говорит читателю:

«Трудно найти не только в русской, но и во всей мировой истории женщину, которая оставила бы такой неизгладимый след в людской памяти, которая вызывала бы столь противоречивые толки, яростные споры, длящиеся вот уже полтора столетия.

Слишком много у неё было обвинителей и почти не было адвокатов...»

За спиной у России чуть не два века вымыслов и брани в адрес Натальи Николаевны.

Но способны ли простые (порою хуже воровства) истолкования её образа – как пустой и недостойной гения – не опорочить его самого?

Это и тревожило Доризо, он считал это раной на душе у всей России. Вот и решился потому попробовать разделить мифы и истину – излечить рану.

И в своей книге Николай Константинович доказывает, что первый поэт России увидел в Гончаровой не только первую красавицу России, достойную поклонения; но и верного друга, способного разделить его нелёгкую судьбу.

Судьбу первого поэта России...

«Представьте себе робкую, застенчивую девушку, с детства привыкшую во всём подчиняться властному характеру матери. И вдруг эта девушка решительно встаёт на сторону жениха, идёт против воли матери с непримиримой смелостью (не тайна, что мать сопротивлялась браку дочери с Пушкиным)...»

«С Пушкиным я словно родился на свет, прожил всю свою жизнь. Побудил сам факт моего рождения. Во главе всего был Пушкин с его сказками и стихами. И вся жизнь, всё творчество связаны с Пушкиным. От него идёт вся наша литература».

«Когда порою в наши дни ревнители «чистого Пушкина», без его жены, пытаются как бы отодвинуть её в сторону, они оказываются беспомощными по-настоящему понять жизнь поэта... А для того чтобы понять, надо любить. Любить большой человеческой любовью не только самого Пушкина, но и его многострадальную жену...»

(Романс Рощина)

Николай Константинович рассказывает, как дочь Жоржа Дантеса Леони возненавидела самого отца, осознав содеянное им... И выучила русский язык.

И это так меня ошеломило –

Я не могла ни есть, ни спать.

Всё время
Стоял передо мною с укоризной
Печальный образ гения-поэта,
Убитого моим отцом.
И я решила
Узнать,
Узнать во что бы то ни стало,
Что написал он, чем он так велик.
Вот для чего с таким упорством изучала
Я столько лет его родной язык...

«Дочь Дантеса сошла с ума и окончила жизнь в клинике, куда он её и упрятал. Это не было в полном смысле больницей – просто он как мог, изолировал её жизнь и круг её общения...»

А песни свои поэт-песенник сочинял до самой смерти.
(Песня Мужской разговор)

Его жизненный путь окончился 31 января 2011 года.

Николай Доризо был членом Высшего творческого совета Союза писателей России.

Он – лауреат Государственной премии РСФСР имени Максима Горького.

И он почётный гражданин Краснодара.

В одном из последних интервью Николай Константинович подвёл своеобразный итог:

«Большую роль играет и интерес к жизни, который идёт от духовности. Для этого не обязательно писать стихи.

Для меня духовность неотъемлема от веры в Бога. Мой дед был протоиереем Кубанского собора, а отец – ярким атеистом, поэтому мой путь к Богу был долгим. Этим я виноват перед Ним.

Я считаю, что всё от Бога: и моё творчество, и везение, и встреча с Верочкой. Мне грех жаловаться на жизнь. У меня прекрасная семья, дети, внуки... Мои песни по-прежнему звучат на радио, на телевидении, за праздничными столами. Чего ещё можно желать? Так что я счастливый человек...»

Составитель – Е.И. Соколова

09 НОЯБРЯ
195 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИВАНА
СЕРГЕЕВИЧА ТУРГЕНЕВА, РУССКОГО
ПИСАТЕЛЯ
(1818-1883 ГГ.)

«О КРАСОТЕ, ПРИРОДЕ И ЧЕЛОВЕКЕ»
ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНАЯ КОМПОЗИЦИЯ,
ПОСВЯЩЕННАЯ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВУ И.С. ТУРГЕНЕВА.

Ведущие 1 и 2

Чтецы 1- 3

Федя

Илюша

Павлуша

Ася

Господин Н.

участники инсценировок фрагментов из произведений И. С. Тургенева

Писатель - И. С. Тургенев

Оформление:

На сцене портрет И.С. Тургенева, плакат с годами жизни и эпитафией:

«Вся моя биография - в моих сочинениях" (И. С. Тургенев).

Понадобятся аудиозаписи романсов:

«Мой гений, мой ангел, мой друг...» (муз. П. Чайковского, сл. А. Фета);

«Сияла ночь. Луной был полон сад...» (муз. Н. Метнера, сл. А. Фета);

«Только раз бывает в жизни встреча...» (муз. Б. Фомина, сл. П. Германа);

«Утро туманное» (муз. В. Абаза, сл. И. Тургенева);

«Гори, гори, моя звезда...» (муз. П. Булахова, сл. В. Чуевского).

На вечере так же прозвучит музыка Ф. Шопена (по выбору организаторов)

ВЕДУЩИЙ 1: С именем Ивана Сергеевича Тургенева в нашем сознании связано представление о великолепном мастере слова, в совершенстве владеющем богатствами русского языка, рисующем изумительно точные картины русской природы и жизни русских людей.

ВЕДУЩИЙ 2: В произведениях Тургенева мы не найдем прямых авторских оценок описываемой действительности, но если сопоставить произведения Тургенева с обстоятельствами его жизни, то увидим, как много личных переживаний внесено в каждое из них.

ВЕДУЩИЙ 1: Какая душевная сила, какое мужество нужны были писателю, чтобы с такой искренностью и честностью описать свою эпоху, стремясь ни на йоту не нарушить правду жизни. Творчество Тургенева - художественная летопись, запечатлевшая духовную жизнь русского общества 1840-1880-х годов.

ВЕДУЩИЙ 2: Иван Сергеевич Тургенев родился 9 ноября 1818 года в Орле в дворянской семье. Детские годы он провел в богатой материнской усадьбе Спасское-Лутовиново Мценского уезда Орловской губернии. По матери Тургенев принадлежал к старинному дворянскому роду Лутовиновых.

(На сцену выходит Писатель. Он в строгом черном костюме. В руках у него книга.)

ПИСАТЕЛЬ (читает): «Я родился И вырос в атмосфере, где царили подзатыльники, щипки, колотушки, пощечины и прочее ... Ненависть к крепостному праву уже тогда жила во мне».

ВЕДУЩИЙ 1: От разрушительного влияния крепостнического произвола Тургенева спасало надежное покровительство людей из народа. В саду материнской усадьбы мальчик познакомился со знатоками и ценителями птичьего пения, людьми с доброй и вольной душой. Отсюда он вынес любовь к среднерусской природе, которую сохранил до конца дней.

ВЕДУЩИЙ 2: Благодаря родительским заботам Тургенев получил блестящее образование. Он с детских лет свободно говорил на трех языках - немецком, французском и английском. В 1837 году Тургенев успешно окончил филологическое отделение философского факультета Петербургского университета. А в мае 1838 года будущий писатель отправился в Берлинский университет, чтобы получить специальное философское образование.

ВЕДУЩИЙ 1: Вернувшись на родину в 1841 году, Тургенев начал работать в Министерстве внутренних дел. В это время он сблизился с передовыми людьми своего времени, увлекся философией и литературой. Дружба с критиком В. Г. Белинским оказала большое влияние на Тургенева. Первый рассказ из цикла

«Записки охотника» появился в 1847 году и был горячо встречен В. Г. Белинским. Он писал Тургеневу ...

ЧТЕЦ 1: «Найти свою дорогу, узнать свое место - в этом все для человека, это для него значит сделаться самим собой ... "Хорь" обещает в вас замечательного писателя в будущем».

ВЕДУЩИИ 2: Успех первого рассказа, опубликованного в журнале «Современник», окрылил писателя и вдохновил его на создание книги «Записки охотника». Впервые перед читателями предстали образы простых людей из народа, наделенных умом, смекалкой, талантом, трудолюбием, высокими душевными качествами. Один из рассказов из этого сборника - «Бежин луг» - знакомит нас с крестьянскими ребятами, вышедшими в ночное пасти лошадей. Будучи заядлым охотником, Тургенев, блуждая по окрестным лесам, набрел ночью на костер, у которого сидели ребята и рассказывали страшные истории. Послушаем, о чем они говорят.

(Ведущие уходят. На сцене полумрак, в центре костер. Около него сидят и лежат ребяташки. Они одеты в простые деревенские рубахи и портки.)

ФЕДЯ (Илюше): Ну и что ж ты, так и видел домового?

ИЛЮША: Нет, я его не видал, да и видать его нельзя, а слышал ... Да и не я один.

ПАВЛУША: А он у вас где водится?

ИЛЮША: В старой рольне". (*Рольня* - строение, где в чанах вычерпывают бумагу).

ПАВЛУША: А разве вы на фабрику ходите?

ИЛЮША: Как же, ходим. Мы с братом, с Авдюшкой, в лисовщиках состоим.

ПАВЛУША: Вишь ты - фабричные!..

ФЕДЯ: Ну, так как же ты его слышал?

ИЛЮША: А вот как. Пришлось нам с братом Авдюшкой да с Федором Михеевским, да с Ивашкой Косым, да с другим Ивашкой, что с Красиных Холмов, да еще с Ивашкой Сухоруковым, да еще там были другие ребятки, всех нас было, ребятки, человек десять - как есть вся смена... пришлось нам в рольне заночевать... Вот остались мы и лежим все вместе, и начал Авдюшка говорить, что, мол, ребята, ну как домовый придет?.. И не успел он, Авдей-то, проговорить, как вдруг кто-то над головами у нас и заходил, но а лежали-то мы внизу, а заходил он наверху, у колеса. Слышим мы: ходит, доски под ним гнутся, так и трещат; вот прошел он через наши головы; вода вдруг по колесу как зашумит, зашумит, застучит, застучит колесо, завертится; но а заставки у дворца-то спущены... Ну, подошел тот к нашей двери, подождал, подождал - дверь вдруг вся так и распахнулась. Всполохнулись мы, смотрим - ничего... Вдруг, глядь, у одного чана форма зашевелилась, поднялась, окунулась, походила, походила этак по воздуху, словно кто ее полоскал, да и опять на

место. Потом у другого чана крюк снялся с гвоздя да опять на гвоздь; потом будто кто-то к двери пошел, да вдруг как закашляет, как заперхает, словно овца какая, да зычно так. Мы все так ворохом. И свалились, друг под дружку полезли... Уж как же мы наггужались о ту пору!

ПАВЛУША: Вишь как! Чего ж он раскашлялся?

ИЛЮША: Не знаю; может, от сырости.

(Некоторое время ребята в задумчивости молчат.)

ФЕДЯ: А что, картошки сварились?

ПАВЛУША: Нет, еще сыры... Вишь, плеснула, должно быть, щука... А вон звездочка покатилась.

(Свет гаснет. Когда свет включается, на сцене снова Ведущие.)

ВЕДУЩИЙ 1: Такими предстают деревенские ребята в середине XIX столетия: любознательными, смышленными, но суеверными. «Записки охотника» всколыхнули русское общество. А. И. Герцен назвал «Записки охотника» «поэтически написанным обвинительным актом крепостничеству».

ВЕДУЩИЙ 2: В 1843 произошло событие, наложившее неизгладимый отпечаток на всю жизнь Тургенева: он познакомился с выдающейся певицей, умной и привлекательной женщиной - Полиной Виардо. Она принесла писателю много счастья, но счастье и горе радость и отчаяние шли рядом. Женой Тургенева Полина Виардо стать не могла: она жила во Франции, у нее были дети и муж. Отношения Тургенева и Полины Виардо сохранили чистоту и прелесть истинной дружбы на долгие годы.

(Звучит аудиозапись романса «Мой гений, мой ангел, мой друг...» (муз. П. Чайковского, сл. А. Фета.)

ВЕДУЩИЙ 1: Нельзя без волнения читать строки из письма Тургенева Виардо.

(Романс продолжает звучать, на сцену выходит Писатель, в руках у него письмо. Он читает его под тихо звучащую музыку.)

ПИСАТЕЛЬ: «В будущий вторник исполнится семь лет с тех пор, как я в первый раз был у вас. И вот мы остались друзьями, и мне кажется, хорошими друзьями. И мне радостно сказать вам по истечении семи лет, что я ничего не видел на свете лучше вас, что встретить вас на своем пути было величайшим счастьем моей жизни, что моя преданность и благодарность вам не имеет границ и умрет только вместе со мной».

ВЕДУЩИЙ 2: Способность любить Тургенев считал главным мерилем ценности человека и героев своих подвергал испытанию любовью. Многие произведения Тургенева посвящены любви. Это «Дворянское гнездо», «Накануне», «Ася», «Первая любовь», «Вешние воды» И другие. Чаще всего в произведениях Тургенева любовь

носит трагический характер. Быть может, в этом сказалась личная драма самого писателя.

(Звучит аудиозапись романса «Сияла НОЧЬ. Луной был ПОЛОН сад...» (муз. Н Метнера, сл. А. Фета). Затемнение. Когда свет включается - на сцене декорации для инсценировки эпизода из повести И. С. Тургенева «Ася». На сцене скамья. На заднем плане силуэт горы, у ее подножия - деревья. На сцену выходит Ася, на голове у нее шляпка, в руках небольшая корзиночка. Господин Н идет позади Аси. Она присаживается на скамью, он садится рядом.)

АСЯ: И вам не скучно было без нас?

ГОСПОДИН Н.: А вам без меня было скучно?

АСЯ (взглянув на Господина Н мельком). Да. Хорошо в горах? Они высоки? Выше облаков? Расскажите мне, что вы видели. Вы рассказывали брату, но я ничего не слыхала.

ГОСПОДИН Н.: Вольно ж вам было уходить.

АСЯ: Я уходила, потому что...

Я теперь вот не уйду... вы сегодня были сердиты.

ГОСПОДИН Н.: я?

АСЯ: Вы.

ГОСПОДИН Н.: Отчего же, помилуйте...

АСЯ: Не знаю, но вы были сердиты и ушли сердитыми. Мне было очень досадно, что вы так ушли, и я рада, что вы вернулись.

ГОСПОДИН Н.: И я рад, что вернулся.

АСЯ: О, я умею отгадывать! Бывало, я по одному папашиному кашлю из другой комнаты узнавала, доволен ли он мной или нет.

ГОСПОДИН Н.: Вы любили вашего батюшку?

(Ася ничего не отвечает. Небольшая пауза.)

АСЯ: Что же вы ничего не рассказываете?

ГОСПОДИН Н.: Отчего вы сегодня рассмеялись, как только увидели меня?

АСЯ: Сама не знаю. Иногда мне хочется плакать, а я смеюсь. Вы не должны судить меня... по тому, что Я делаю. Ах, кстати, что это за сказка о Лорелее? Ведь это ее скала виднеется? Говорят, она прежде всех топила, а как полюбила - сама бросилась в воду. Мне нравится эта сказка. Фрау Луиза мне всякие сказки рассказывает. У фрау Луизы есть черный кот с желтыми глазами. *(Встает, встряхивает волосами.)* Ах, как мне хорошо! *(Слышится молитвенное пение.)* Вот бы пойти с ними.

ГОСПОДИН Н.: Вы так набожны?

АСЯ: Пойти куда-нибудь далеко, на молитву, на трудный подвиг. А то дни уходят, жизнь уйдет, а что мы сделали?

ГОСПОДИН Н.: Вы честолюбивы, вы хотите прожить недаром, след за собой оставить...

АСЯ: А разве это невозможно?

ГОСПОДИН Н. (задумчиво): Попробуйте.

АСЯ: Скажите, вам очень нравилась та дама... Вы помните, брат пил за ее здоровье в развалине, на второй день нашего знакомства?

ГОСПОДИН Н.: Ваш брат шутил. Мне ни одна дама не нравилась; по крайней мере, теперь ни одна не нравится.

(Ася снова садится на скамью, смотрит на Господина Н.)

АСЯ: А что вам нравится в женщинах?

ГОСПОДИН Н.: Какой странный вопрос!

АСЯ *(смутившись)*: Я не должна была сделать вам такой вопрос, не правда ли? Извините меня, я привыкла болтать все, что мне в голову входит. Оттого-то я и боюсь говорить.

ГОСПОДИН Н.: Говорите, ради бога, не бойтесь. Я так рад, что вы, наконец, перестали дичиться.

АСЯ *(рассмеявшись)*: Ну, рассказывайте же, рассказывайте или прочтите что-нибудь, как, помните, вы нам читали из «Онегина»...

(Тихо.)

Где нынче крест и тень ветвей

Над бедной матерью моей!

ГОСПОДИН Н.: У Пушкина не так.

АСЯ: А я хотела бы быть Татьяной...

(После небольшой паузы Ася встает, оглядывается вокруг.)

ГОСПОДИН Н.: Посмотрите, как хорошо!

АСЯ: Да, хорошо! Если бы мы с вами были птицы, - как бы мы взвились, как бы полетели. Так бы и утонули в этой синеве. Но мы не птицы.

ГОСПОДИН Н.: А крылья могут у вас вырасти.

АСЯ: Как так?

ГОСПОДИН Н.: Поживете - узнаете. Есть чувства, которые поднимают нас от земли. Не беспокойтесь, у вас будут крылья.

АСЯ: А у вас были?

ГОСПОДИН Н.: Как вам сказать... Кажется, до сих пор я еще не летал.

(Пауза. Ася задумалась.)

АСЯ: Умеете ли вы вальсировать?

ГОСПОДИН Н.: Умею.

АСЯ: Так пойдете, пойдете... Я попрошу брата сыграть нам вальс... Мы вообразим, что мы летаем, что у нас выросли крылья.

(Ася убегает, вслед за ней уходит Господин Н. Затемнение. Когда включается свет, на сцене Ведущие.)

ВЕДУЩИЙ 1: Счастье Аси было недолгим. Господин Н. не смог решиться на объяснение, предложить ей руку и сердце. Ася навсегда покидает город, оставляя Господину Н. письмо.

АСЯ *(голос за сценой)*: «Прощайте, мы не увидимся более. Не из гордости я уезжаю - нет, мне нельзя иначе. Вчера, когда я плакала перед вами, если б вы мне сказали одно слово, одно только слово - я бы осталась. Вы его не сказали. Видно, так лучше... Прощайте навсегда»

(Тихо звучит аудиозапись романса «Только раз бывает в жизни встреча... » (муз. Б. Фомина, сл. П. Германа).)

ВЕДУЩИЙ 2: Шли годы. Тургенев жил за границей, жил интересами, радостями и горестями семьи Виардо. Но это, по его выражению, жизнь «на краю чужого гнезда».

ПИСАТЕЛЬ: «Что ни говори, на чужбине точно вывихнутый... на чужбине точно вывихнутый... Осужден на цыганскую жизнь, и не светит мне, видно, гнезда нигде и никогда!»

ВЕДУЩИЙ 1: Живя за границей, Тургенев продолжал много работать. Здесь он Создал романы «Рудин», «Отцы и дети», «Накануне». Он чутко откликался на все события русской жизни. Именно эта кровная связь с родиной дала возможность писателю стать выразителем дум и чаяний своей противоречивой трудной эпохи. Тургенев был пропагандистом русской литературы за рубежом и многое сделал для того, чтобы родная литература приобрела мировую известность.

ВЕДУЩИЙ 2: Последние годы жизни Тургенева были озарены радостным сознанием того, что Россия высоко ценит его литературные заслуги. Приезды писателя на родину в 1879 и 1880-х годах превратились в шумные чествования его таланта.

ВЕДУЩИЙ 1: Накопленные наблюдения и мысли, пережитые радости и страдания писатель на склоне лет выразил в цикле стихотворений в прозе. Он работал над ними с 1876 по 1882 год. Тургенев назвал этот цикл «Старческое». Создавался он в тяжелую пору личной жизни писателя, в период надвигающейся старости, болезни. И все же внутренний свет озаряет многие его стихотворения в прозе.

ВЕДУЩИЙ 2: В стихотворениях в прозе присутствует мысль о неизбежности смерти, и, вполне понятно, там много печали. Но с начала и до конца поэтические миниатюры радуют читателя не угасшей, а еще более обострившейся свежестью ощущений, возвышенностью помыслов, чистейшей искренностью, которые были присущи Тургеневу - человеку и художнику. Он словно обегает памятью и воображением весь жизненный круг, прощается со всем, что дорого, кланяется своим святыням.

(На сцене - кресло, в котором сидит Писатель, укрытый пледом, в руках у него книга. С правой стороны сцены большой стол. На нем в вазе увядший букет цветов, зажженная свеча в высоком подсвечнике. Звучит аудиозапись начала романа «Утро туманное» (муз. В. Абаза, сл. И Тургенева).)

ПИСАТЕЛЬ: «Когда меня не будет, не забывай меня, но и не вспоминай обо мне среди ежедневных забот, удовольствий и нужд ... Но в часы уединения, когда найдет на тебя та застенчивая и беспричинная грусть, столь знакомая добрым сердцам, возьми одну из наших любимых книг и отыщи в ней те страницы, те строки, те слова, от которых, бывало, - помнишь? - у нас обоих разом выступали сладкие и безмолвные слезы. Прочти, закрой глаза и протяни мне руку...»

(На сцену выходят Чтецы. Они по очереди читают стихотворения в прозе. Звучит музыка Ф. Шопена.)

ЧТЕЦ 1: «Где-то, когда-то, давно-давно тому назад, я прочел одно стихотворение. Оно скоро позабылось мною... но первый стих остался у меня в памяти: Как хороши, как свежи были розы... Теперь зима; мороз запушил окна; в темной комнате горит одна свеча. Я сижу, забившись в угол; а в голове все звенит и звенит: Как хороши, как свежи были розы...»

ЧТЕЦ 2: «И вижу я себя перед низким окном загородного русского дома. Летний вечер тихо тает и переходит в ночь, в теплом воздухе пахнет резедой и липой; а на окне, опершись на выпрямленную руку и склонив голову к плечу, сидит девушка - и безмолвно и пристально смотрит на небо, как бы выжидая появления первых звезд. Как простодушно вдохновенны задумчивые глаза, как трогательно-невинны раскрытые, вопрошающие губы, как ровно дышит еще не вполне расцветшая, еще ничем не взволнованная грудь, как чист и нежен облик юного лица! Я не дерзаю заговорить с нею, но как она мне дорога, как бьется мое сердце! Как хороши, как свежи были розы...»

ЧТЕЦ 3: «Встают передо мной другие образы... Слышится веселый шум семейной деревенской жизни. Две русые головки, прислонясь друг к другу, бойко смотрят на

меня своими светлыми глазками, алые щеки трепещут сдержанным смехом, руки ласково сплелись, вперевивку звучат молодые, добрые голоса; а немного подальше, в глубине уютной комнаты, другие, тоже молодые руки бегают, путаясь пальцами, по клавишам старенького пианино - и ланнеровский вальс не может заглушить воркотню патриархального самовара.

Как хороши, как свежи были розы...»

ЧТЕЦ 1: «Свеча меркнет и гаснет... Кто это кашляет там так хрипло и глухо? Свернувшись в калачик, жметя и вздрагивает у ног моих старый пес, мой единственный товарищ... Мне холодно я зябну. И все они умерли... умерли... Как хороши, как свежи были розы...»

(Чтецы уходят. На сцене Ведущие.)

ВЕДУЩИЙ 1: Писатель сумел преодолеть чувство тоски, навеянное болезнью, старостью. Что же дало ему силы? Ответ на этот вопрос мы найдем в знакомом нам стихотворении «Русский язык», завершающем весь цикл.

ПИСАТЕЛЬ (подходит к краю рамп): «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, - ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя - как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!»

(Уходит.)

ВЕДУЩИЙ 2: С января 1882 года начались самые тяжелые испытания для Тургенева. Мучительная болезнь - рак спинного мозга - приковала писателя к постели. Мечта о поездке в Россию оказалась «приятным сном». 30 мая 1882 года

Тургенев писал поэту Я. П. Полонскому: «Когда вы будете в Спасском, поклонитесь от меня дому, саду, моему молодому дубу, родине поклонитесь, которую я уже, вероятно, никогда не увижу».

ВЕДУЩИЙ 1: За несколько дней до рокового исхода Тургенев завещал похоронить себя на Волковом кладбище в Петербурге, подле своего друга В. Г. Белинского. В бреду, прощаясь с семейством Полины Виардо, он забывал, что перед ним французы, и говорил с ними на русском языке. Последние слова переносили Тургенева на просторы родных орловских лесов и полей. Умер писатель 3 сентября 1883 года. Похоронен был согласно завещанию в Петербурге.

(Звучит первый куплет романса «Гори, гори, моя звезда...» (муз. П. Булахова, сл. В. Чувскогсд.)

ВЕДУЩИЙ 2: Прошло почти два века со дня рождения Ивана Сергеевича Тургенева, но написанные им произведения продолжают волновать современного читателя. Повести Тургенева середины XIX века сохранили тайный жар страстных

поисков истины, смысла человеческого существования, которыми была наполнена духовная жизнь лучших людей того времени. «Асю», «Первая любовь», «Вешние воды» вводят нас в прекрасный поэтический мир Тургенева, развивающийся по законам красоты, разлитой в природе, искусстве и нигде не сияющей так, как в человеческой личности.

(Звучит продолжение романса, участники литературно-музыкальной композиции выходят на сцену и кланяются зрителям.)

Примечание:

БЕЛИНСКИЙ Виссарион Григорьевич (1811-1848), русский литературный критик. Сотрудничал в журналах «Телескоп» (1833-1836), «Отечественные записки» (1839-1846) и «Современник» (1847-1848). Стремился создать литературную критику на почве философской эстетики. Поставив во главу угла критику существующей действительности, разработал принципы натуральной школы - реалистического направления в русской литературе, главой которого считал Н. В. Гоголя. В ежегодных обзорах литературы, в статьях об А. С. Пушкине, М. Ю. Лермонтове и других давал конкретно-исторический анализ их творчества, раскрывая самобытность, народность, гуманизм как важнейшие критерии художественности их произведений.

ГЕРЦЕН Александр Иванович (1812-1870), российский революционер, писатель, философ. Внебрачный сын богатого помещика И. А. Яковлева. Окончил Московский университет (1833), где вместе с Н. П. Огаревым возглавлял революционный кружок. В 1834 арестован, шесть лет провел в ссылке. Печатался с 1836 под псевдонимом Искандер. С 1842 в Москве, глава левого крыла западников. В философских трудах «Дилетантизм в науке» (1843), «Письма об изучении природы» (1845- 1846) и других утверждал союз философии с естественными науками. Остро критиковал крепостнический строй в романе «Кто виноват?» (1841-1846), повестях «Доктор Крупов» (1847) и «Сорокаворовка» (1848). С 1847 в эмиграции. После поражения европейских революций 1848-1849 разочаровался в революционных возможностях Запада и разработал теорию «русского социализма», став одним из основоположников народничества. В 1853 основал в Лондоне Вольную русскую типографию. В газете «Колокол» обличал российское самодержавие, вел революционную пропаганду, требовал освобождения крестьян с землей. В 1861 встал на сторону революционной демократии, содействовал созданию «Земли и воли», выступал в поддержку Польского восстания 1863-1864. Автобиографическое сочинение «Былое и думы» (1852-1868).

ВИАРДО-ГАРСИЯ Полина (1821-1910), французская певица (меццо-сопрано), композитор. Дочь испанского певца М. Гарсии. Партии Фидес («Пророк» Д. Мейербера), Офелия («Орфей и Эвридика» К. Глюка), Розины («Севильский

цирюльник» Д. Россини). Автор романсов, комических опер на либретто И.С. Тургенева.

ПОЛОНСКИЙ Яков Петрович (1819-1898), русский поэт, член-корреспондент Петербургской академии наук (1886). Лирические стихи (многие их них положены на музыку и стали народными песнями – «Песни цыганки», «Затворница» и др.), поэмы (в том числе шуточная поэма-сказка «Кузнечик-музыкант», 1859), повести, романы.

05 ДЕКАБРЯ
210 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ФЁДОРА
ИВАНОВИЧА ТЮТЧЕВА, РУССКОГО ПОЭТА
(1803-1873 ГГ.)

«ДУША МОЯ, ЭЛИЗИУМ ТЕНЕЙ»

Поэты не рождаются случайно. Они летят на землю с высоты. Они являются на землю как посланцы богов. Так считали древние греки.

Александр Македонский вошел в непокорный город Фивы и повелел: "Сожгите всё: и храмы, и мосты, и башни - чудо света". Вдруг, помолчав, сказал: "Но я велю, чтоб цел был дом поэта!" Александр Македонский спас дом поэта, чтобы боги не разгневались на него. Греки очень любили своих поэтов. Они считали, что души поэтов устроены подобно эоловой арфе, на которой мог играть только ветер. Если ветер был тихий, то струны звенели нежно, а если вдруг поднимался сильный ветер, то струны рвались. Греки не только берегли своих поэтов на земле, но позаботились о том, чтобы поэтам в загробном мире было хорошо. Чтобы их тонкие души и в загробном мире были в безопасности. Для этого отвели специальное место для душ поэтов – Элизиум.

Душа моя, Элизиум теней,
Теней безмолвных, светлых и прекрасных,
Ни помыслам години буйной сей,
Ни радостям, ни горю не причастных.

Душа моя, Элизиум теней,
Что общего меж жизнью и тобою!
Меж вами, призраки минувших, лучших дней,
И сей бесчувственной толпою?

(1836)

Русский поэт Федор Иванович Тютчев явился миру 23 ноября 1803 года в городе Овстуге Брянского уезда Орловской губернии.

История жизни поэта - это история его любви, ибо стихи - это стихия любви.

Тютчеву было всего 19 лет, а он уже, благодаря своим блестящим способностям, окончил Московский университет - отделение русской словесности - и получил назначение в Петербург в Коллегию иностранных дел. Но вдруг его дальний родственник - граф Остериан-Толстой предложил ему поехать в Баварию, в Мюнхен. Ненадолго. Так казалось обоим.

В Мюнхене молодого дипломата заметили сразу. В это время там, в Германии, в 1822-м сияло целое созвездие великих имен: Гёте, Гейне, Шиллер, Гегель, Шихте - поэты, мыслители, философы. И Тютчев оказался своим в этом созвездии. В Мюнхене оценили его ум, блестящие способности, безупречное светское воспитание и предложили работать в русской дипломатической миссии в Германии. Тютчев согласился.

Но у молодого блестящего русского дипломата была одна слабость. Его завораживал свет бальных люстр, шуршание бальных платьев. Ему нравилась атмосфера праздника, танцы, женский смех и шепот. Ему, как воздух, нужна была эта беззаботная легкая атмосфера праздника. Он посещал все балы, был приглашен во все знатные дома Мюнхена. И однажды на одном светском приеме он встретил девушку с золотыми волосами, племянницу прусского короля Вильгельма - Амалию Лархенфельд. Они смотрелись странно: не красивый Тютчев и прелестная Амалия. Но это была любовь. Тютчев и Амалия до утра гуляли по набережной Дуная, любовались старинным Мюнхеном, а утром из-за тумана прохожим было не видно, как юная пара целовалась на набережной. Вскоре молодые влюбленные решили пожениться. Но родители Амалии не дали согласия на этот брак. Они посчитали, что Федор Тютчев хоть и аристократ, но недостаточно знатен, чтобы породниться с семьей прусского короля.

Неожиданно Амалия вышла замуж за друга Тютчева, барона фон Крюденера. А Тютчев страдал от двойного предательства: любимой девушки и своего друга.

Амалия Крюденер уехала в Россию. Ее красоту воспевали поэты Антон Дельвиг (1798-1831), Петр Вяземский (1792-1872), Евгений Баратынский (1800-1844), Александр Пушкин (1799-1837). Стихи Тютчева сделали имя Амалии Крюденер легендой.

22 года Тютчев дышал воздухом Германии. Впитывал ее культуру, слушал ее язык. Все в доме говорили по-немецки. После разлуки с Амалией Тютчев женился на Эмилии фон Ботмер. После ее смерти Тютчев женился во второй раз на Эрнестине Пфейфер. Казалось, что Россия осталась в его сознании где-то далеко в воспоминаниях детства. И вдруг его дочь стала находить в кабинете отца на полу клочки бумаги. Она собирала их и увидела, что это были стихи. Стихи, написанные по-русски. Русская душа Тютчева заговорила стихами!

Он не придавал таким стихам никакого значения. Он называл это занятие бумагомаранием. Он не писал стихи, как пишут поэты. Он ничего в них не исправлял, ничего не вычеркивал. Он их просто ронял на бумагу, как роняют цветы. Он писал стихи, потому что не мог не писать. Так же, как птица не могла не петь.

Дочь собрала стихи Тютчева и передала князю Павлу Гагарину (1789-1872), который ехал в Россию. Стихи попали к Пушкину. Пушкин опубликовал их в журнале "Современник" под заглавием "Стихи, присланные из Германии". А так как они были опубликованы без ведома Тютчева, то вместо подписи фамилии поставили инициалы "Ф. Т."

Великие литературные современники оценили стихи Тютчева. Писатель Иван Тургенев (1818-1883) заметил, что стихи загадочного господина Ф. Т. переживут века. Поэт Николай Некрасов (1821-1877 /1878) назвал стихи магическими, полными тайны. А из-за стихов "Душа моя, Элизиум теней" Тютчева называли "поэтом душевных бездн".

О вещая душа моя!
О сердце, полное тревоги,
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..
Так, ты - жилища двух миров,
Твой день - болезненный и страстный,
Твой сон - пророчески-неясный,
Как откровение духов...
Пускай страдальческую грудь
Волнуют страсти роковые -
Душа готова, как Мария,
К ногам Христа навек прильнуть. (1855)

Тютчеву было 47 лет, когда он вернулся в Россию. Душа его, казалось, устала от волнений жизни, от любви. Но вдруг на вечере в Смольном, где училась его дочь, он

встретил стройную веселую темноволосую девушку, окруженную толпой поклонников. Когда он подошел к ней - стареющий, некрасивый, седеющий и заговорил, то Елена Денисьева - так звали девушку - забыла всех своих поклонников и слушала только его, Федора Тютчева, и влюбилась так страстно, так сильно, так самозабвенно, как была способна любить ее высокая душа. А душа Тютчева откликнулась на эту любовь золотыми россыпями стихов.

Я очи знал, - о, эти очи!
Как я любил их, - знает Бог!
От их волшебной, страстной ночи
Я душу оторвать не мог.

В непостижимом этом взоре,
Жизнь обнажающем до дна,
Такое слышалось горе,
Такая страсти глубина!
Дышал он грустный, углубленный
В тени ресниц ее густой,

Как наслажденье, утомленный
И, как страданье, роковой.
И в эти чудные мгновенья
Ни разу мне не довелось
С ним повстречаться без волненья
И любоваться им без слез.

(1852)

Когда на то нет Божьего согласия
Как ни страдай она, любя, -
Душа, увы, не выстрадает счастья,
Но может выстрадать себя...
Душа, душа, которая всецело
Одной заветной отдалась любви
И ей одной дышала и болела,
Господь тебя благослови!
Он милосердный, всемогущий,
Он, греющий Своим лучом
И пышный цвет, на воздухе цветущие
И чистый перл на дне морском.

(11 января 1865)

Божьего согласия на эту связь не было. Свет осудил их связь. Елена Денисьева была вынуждена уйти из института. Её не принимали ни в одном знатном доме, куда раньше впускали охотно. «Мне, - говорила однажды со слезами на глазах Елена Денисьева, - нечего скрывать, и нет надобности ни от кого прятаться. Я более ему жена, чем бывшие его жены. Никто в мире не любил его так, как я, никто так не понимал, как я его понимаю – всякий звук, всякую складку на его лице, всякую интонацию его голоса. Я вся его, а он - мой».

Не говори: меня он, как и прежде, любит,
Мной, как и прежде, дорожит...
О нет! Он жизнь мою бесчеловечно губит,
Хоть, вижу, нож в руке его дрожит.
То в гневе, то в слезах, тоскуя, негодуя,
Увлечена, в душе уязвлена,
Я стражду, не живу... им, им одним живу я -
Но эта жизнь!.. О, как горька она!
Он мерит воздух мне так бережно и скудно...
Не мерят так и лютому врагу...
Ох, я дышу еще болезненно и трудно,
Могу дышать, но жить уж не могу.

(1851)

О не тревожь меня укорой, справедливой!
Поверь, из нас из двух завидней часть твоя:
Ты любишь искренно и пламенно, а я -
Я на тебя гляжу с досадою ревнивой.
И, жалкий чародей, перед волшебным миром.
Мной созданным самим, без веры я стою -
И самого себя, краснея, узнаю
Живой души твоей безжизненным кумиром.

(1852)

Чему молилась ты с любовью,
Что, как святыню, берегла,
Судьба людскому суесловью
На поруганье предала.
Толпа вошла, толпа вломилась

В святилище души твоей,
И ты невольно постыдилась
И тайн и жертв, доступных ей.
Ах, если бы живые крылья
Души, парящей над толпой,
Ее спасали от насилья
Бессмертной пошлости людской!

(1852)

О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!
Давно ль, гордясь своей победой,
Ты говорил: она моя?
Год не прошел - спроси и сведай,
Что уцелело от нея?
Куда ланит девались розы,
Улыбка уст и блеск очей?
Все опалили, выжгли слезы
Горючей влагою своей.
Ты помнишь ли, при вашей встрече,
При первой встрече роковой,
Ее волшебный взор, и речи,
И смех младенческий-живой?
И что ж теперь? И где всё это?
И долговечен ли был сон?
Увы, как северное лето,
Был мимолетным гостем он!
Судьбы ужасным приговором
Твоя любовь для ней была,
И незаслуженным позором
На жизнь ее она легла!
Жизнь отреченья, жизнь страданья!
В ее душевной глубине
Ей оставались вспоминанья,

Но изменили и оне.
И на земле ей дико стало,
Очарование ушло.
Толпа, нахлынув, в грязь втоптала
То, что в душе ее цвело.
И что ж от долгого мученья,
Как пепл, сберечь ей удалось?
Боль, злую боль ожесточенья,
Боль без отрады и без слез!
О, как убийственно мы любим!
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!
(Первая половина 1851)

Страдала Елена Денисьева. Страдал и Тютчев. Он, как в заколдованном водовороте: метался между семьей и роковой запретной любовью, чувствуя себя и палачом, и жертвой.

Тютчев писал: «При всей поэтичности ее природы - она в грош не ставила моих стихов. Ей хотелось, чтобы я писал посвящения ей. Как она была права в своих крайних требованиях. Сколько раз говорила она мне, что придет время для меня, время страшного раскаяния, но будет поздно. Я слушал и не понимал. Я, верно, думал, что и силы ее так же неистощимы, как беспредельна ее любовь».

Любовь, любовь - гласит преданье -
Союз души с душой родной,
Их единение, их слияние,
Их роковое сочетанье
И поединок роковой.
И чем одно из них нежнее,
В борьбе неравной двух сердец,
Тем безнадежней и вернее,
Любя, страдая, грустно млея,
Оно изнает, наконец .

Сердце Елены Денисьевой оказалось нежнее.

Весь день она лежала в забытьи,
И всю ее уж тени покрывали.
Лил теплый летний дождь - его струи
По листьям весело звучали.
И медленно опомнилась она,
И начала прислушиваться к шуму,
И долго слушала - увлечена,
Погружена в сознательную думу.
И вот, как бы беседуя с собой,
Сознательно она проговорила
(Я был при ней, убитый, но живой):
О, как все это я любила!
Любила ты, и так, как ты, любить-
Нет, никому еще не удавалось!
О Господи!.. и это пережить...
И сердце на клочки не разорвалось...

(1864)

После смерти Денисьевой Тютчев страдал так, что все боялись за его рассудок. Девять лет он укорял себя за то, что не смог сделать свою Лелю счастливой. В письме к поэту Якову Полонскому (1819-1898) он делился своим страданием: "Все во мне убито - мысль, чувство - все! Только она мне нужна, только при ней я чувствовал себя личностью. Не живется, друг мой, не живется".

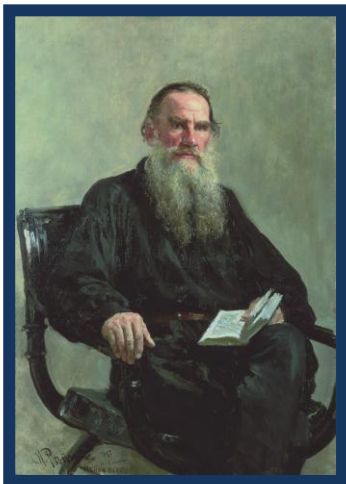
Нет боле слов на голос твой приветный,
Во мне глухая ночь - и нет на ней утра,
И скоро улетит во мраке незаметный,
Последний скудный дым с потухшего костра.

За несколько месяцев до своей кончины в 1873 году, в Висбадене, в Германии, Тютчев встретился с любовью своей юности Амалией Крюденер. Красавица Амалия приехала проститься с поэтом. Тютчев был так счастлив! Он вспомнил туманный Мюнхен, набережную Дуная, девушку с золотыми волосами и написал перед смертью свои лучшие стихи о любви.

Казалось, что само прошлое послало Тютчеву прощальный поцелуй. «Ах, какое это чудесное время – юность», - подумал он и закрыл глаза.

К.Б.

я встретил вас - и все былое
В отжившем сердце ожило;
Я вспомнил время золотое -
И сердцу стало так тепло...
Как поздней осени порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то встрепенется в нас, -
Так, весь обвеян дуновеньем
Тех лет душевной полноты,
С давно забытым упоеньем
Смотрю на милые черты ...
Как после вековой разлуки,
Гляжу на вас, как бы во сне, -
И вот - слышнее стали звуки,
Не умолкавшие во мне...
Тут не одно воспоминанье,
Тут жизнь заговорила вновь, -
И то же в вас очарованье,
И та ж в душе моей любовь!.. (26 июля 1870)

**09 ДЕКАБРЯ
185 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЛЬВА
НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО, РУССКОГО
ПИСАТЕЛЯ
(1828-1910 ГГ.)**

**«СЧАСТЛИВАЯ НЕВОЗВРАТИМАЯ ПОРА»
НА БЕСЕДУ ПО КНИГЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «ДЕТСТВО»**

Действующие лица:

Ведущие 1 и 2

ВЕДУЩИЙ 1: Недалеко от города Тулы, в живописном уголке Ясная Поляна 9 сентября 1828 года родился великий русский писатель Лев Николаевич Толстой. Отец Льва Николаевича был помещиком, в молодости служил в армии, участвовал в войне 1812 года. После женитьбы он поселился в имении своей жены Ясная Поляна. Мать Льва Николаевича имела хорошее для того времени образование, знала четыре иностранных языка, много читала и была большой мастерицей рассказывать сказки, которые она тут же сама и сочиняла. Но умерла она, когда сыну Левушке было всего полтора года. Лев Николаевич знал свою мать только по рассказам близких, но всю жизнь сохранял к ней самые теплые чувства.

ВЕДУЩИЙ 2: В Ясной Поляне прошли не только детские годы писателя, но и почти вся его жизнь. Он то и дело уезжал из своего родового гнезда - в Казань, в Москву, в Петербург, на Кавказ, в Крым и за границу, - но неизменно возвращался сюда. Ясная Поляна, ее природа, ее люди, события яснополянской жизни нашли яркое отражение в произведениях Толстого. Незабываемые впечатления своих детских лет Лев Николаевич отобразил в первом своем произведении - в повести «Детство». Эта повесть была написана в 1852 году, когда Толстому было 24 года. В повести очень много автобиографического: мысли, чувства, переживания и настроения главного героя Николеньки Иртеньева, многие события из его жизни: охота, поездка в Москву, занятие в классной комнате, чтение стихов. Многие действующие лица повести напоминают людей, окружавших Толстого в детстве. Но повесть не является автобиографией. Это

художественное произведение, в котором обобщено виденное и слышанное писателем - в нем изображается жизнь ребенка старой дворянской семьи первой половины XIX века. Действующие лица повести: родители Николеньки, сам Николенька, старый учитель Карл Иванович, брат Володя, сестра Любочка, дочь гувернантки Мими Катенька, слуги - все они как живые встают на страницах повести.

ВЕДУЩИЙ 1: С мягким юмором и теплотой Толстой изображает учителя Карла Ивановича. Вот он перед нами: в красной вязаной шапочке с кисточкой на макушке и в пестром ватном халате, с добрым выражением лица. Рисуя подробно внешние черты и характер Карла Ивановича, Толстой создает незабываемый образ учителя помещичьих детей того времени. Школ тогда было мало, да и дворянские поместья были далеко от городов. Помещики предпочитали приглашать учителей на дом.

Учителя (их чаще называли гувернерами) были одновременно и воспитателями, они ходили с детьми на прогулку, укладывали их спать, поднимали по утрам с постели, помогали одеваться, вместе с ними шли к столу. На учителя лежала обязанность привить детям навыки и манеры, необходимые в дворянском обществе. Помещики обычно приглашали учителей-иностранцев - они могли научить детей иностранным языкам. В то время в дворянском обществе было принято говорить по-французски, и некоторые помещики считали, что знать иностранный язык важнее, чем свой родной.

ВЕДУЩИЙ 2: Учителя из иностранцев были большей частью люди, у которых неудачно сложилась их личная жизнь на родине, они приезжали в Россию в поисках заработка. Среди них было мало настоящих учителей и даже просто образованных людей. Гувернером в России тогда мог стать любой иностранец: парикмахер, кучер, солдат, разорившийся торговец. Иногда среди этих людей попадались хорошие, добрые, любящие люди, и дети привязывались к ним. Таким был Карл Иванович. Он очень напоминает Федора Ивановича Рёсселя - учителя Л. Н. Толстого в детские годы. Толстой всесторонне раскрывает образ Карла Ивановича, он знакомит нас не только с его внешностью, но и его внутренним миром, его чувствами, мыслями. Подробно рассказывает о вещах, которые принадлежат Карлу Ивановичу, его манерах, привычках, поступках... Все это характеризует учителя, делает его образ живым, запоминающимся. Не случайно,

например, описывается книжная полка Карла Ивановича: он всегда читает одни и те же книги, это говорит о том, что он был человек хотя и добрый, но необразованный и очень недалекий. Он мог научить детей разве только немецкому языку.

ВЕДУЩИЙ 1: Выразительными чертами обрисовывает Толстой образ отца Николеньки Петра Александровича Иртеньева: улыбающиеся глазки, большой орлиный нос, лысина на всю голову, недостаток в произношении - пришепетывание; ходил он маленькими

шажками, подергивая плечами. В характеристике, которую Толстой дает отцу Николеньки, нет ни одного лишнего слова, в ней подчеркиваются лишь характерные и потому особенно запоминающиеся черты.

ВЕДУЩИЙ 2: Менее конкретно в повести показана внешность матери Николеньки. Мы не можем представить себе её лица, её одежду, походку. Толстой в какой-то степени передал с помощью этого образа свои собственные воспоминания о матери. Но зато внутренний мир матери Николеньки раскрыт с большой глубиной. Её горячая любовь к детям, к мужу, её нежность к ним, доброе ласковое отношение к окружающим, к слугам создают трогательный, идеальный образ женщины и матери.

ВЕДУЩИЙ 2: Особое место среди лиц, изображенных в повести «Детство», занимает Наталья Савишна. Она отчасти напоминает Прасковью Исаевну - экономку в яснополянском доме Толстых. С большой любовью и симпатией рассказывает Толстой о Наталье Савишне. Простая крестьянка, она по своим моральным качествам стоит выше дворян. На Николеньку Наталья Савишна оказывает такое же благотворное влияние, как и его мать.

ВЕДУЩИЙ 1: Ну и, конечно же, очень выразителен образ главного героя повести - Николеньки Иртеньева. Образ жизни Николеньки во многом напоминает детство самого Льва Николаевича и многих других дворянских детей. Родные и близкие Николеньки жили в довольстве и даже в роскоши за счет трудов крепостных крестьян, которые обрабатывали земли в имениях своих господ и обеспечивали их всем необходимым. Николеньку воспитывали в убеждении, что он - барин, господин. Слуги и крестьяне почтительно называют его, маленького мальчика, по имени отчеству - ведь он сын их господина и будет владеть ими, когда вырастет. Даже старая заслуженная экономка, которая пользовалась почетом в доме, которую любил Николенька, не смеет, по его мнению, не только наказывать его за шалость, но и сказать ему «ты». Николенька с детства знает, что он не ровня не только дворовым мальчикам, но и любимым детям из небогатых семей. К Иленьке Грапу он относится не так, как к другим своим товарищам, поскольку Иленька не принадлежит к богатым и знатным.

ВЕДУЩИЙ 2: Но Николенька все время старается разобраться в своих поступках, в своих чувствах, нередко осуждает самого себя. Николенька страдает, когда замечает в себе дурные черты: неискренность, тщеславие, бессердечность. Ему стыдно вспоминать о своей злобе к доброй, любившей его Наталье Савишне. Он не мог простить себе, что вместе с братом Володей и мальчиками Ивиными смеялся над бедным Иленькой Грапом и обижал его. Николеньку мучает оплошность, которую он совершил на охоте. Толстой изумительно правдиво передает эти непосредственные,

наивные и искренние переживания. Именно в этих переживаниях - все доброе и хорошее, чем дорого детство.

ВЕДУЩИЙ 1: А сейчас мы бы хотели послушать вас. Какое впечатление на вас произвела книга? Давайте обсудим прочитанную повесть.

Вопросы для беседы:

1. Назовите главных действующих лиц повести.
2. В какой семье рос Николенька Иртеньев?
3. Что вам больше всего понравилось в характере Николеньки?
4. Кто такой Карл Иванович? Расскажите о нем.
5. Какие черты характера доставляли Николеньке множество страданий?
6. Какое событие в своей жизни Карл Иванович переживает как драму?
7. Приведите пример, показывающий, как Николенька подетски живо и непосредственно откликается на беды близких ему людей.
8. Кто оказался лучшим другом Николеньки в самые трудные для него дни?
9. Приведите примеры, подтверждающие беззаветную преданность Натальи Савишны своим господам.
10. Каким событием для Николеньки закончилась счастливая пора детства?
11. С каким чувством говорит Николенька о невозвратимой поре детства?
12. Вспомните смешные эпизоды из детства Николеньки.
13. Приведите примеры, когда Николенька старается разобраться в своих поступках, в своих чувствах и осуждает сам себя.
14. В повести есть такие слова: «счастливая невозвратимая пора детства». В чем же, на ваш взгляд, заключается счастье детства?
15. Как вы представляете себе дальнейшую судьбу Николеньки?

Территория чтения
Выпуск 2
Юбилеи и юбиляры

Ответственная за выпуск – Т.Н. Кондратенко
Составитель – И.А. Гетажаева
Вёрстка и дизайн – О.В. Глазунова

ГБУК РО «РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ»
2013